Иларий

Габриэлла Залапи

Илария
Габриэлла Залапи

Аннотация
Габриэлла Залапи. Илария
Илария
Выходные данные

Аннотация

В центре повествования — восьмилетняя Илария, чья жизнь резко меняется в мае 1980 года. Прямо у ворот школы в Женеве ее забирает отец, переживающий тяжелый развод с матерью девочки. Короткая прогулка превращается в двухлетнее скитание по городам Европы.

Габриэлла Залапи
Илария

NoAge

polyandria

2026

Ilaria
Gabriella Zalapi

Перевела с французского *Нина Хотинская*
Дизайн обложки *Марии Кошелевой*

© Editions Zoé, 2024
Published by arrangement with Agence littéraire Astier-Pécher
ALL RIGHTS RESERVED
© Хотинская Н. О., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

*** * ***

Виртуозно используя простые, короткие и точные фразы, автор дает нам возможность посмотреть на жестокость и слабость взрослых глазами ребенка. Этот роман-инициация, исполненный чуткости и осязаемости, становится путем одновременно суровым и нежным, где детская способность удивляться, к счастью, выживает вопреки печали, страхам и щемящей тоске.

Madame Figaro

* * *

Илария

Май 1980-го

Мне восемь лет, и я люблю висеть вниз головой, когда согнутые колени холодит металлическая перекладина. Люблю, крепко зажмурив глаза, разжать руки, чтобы голова пошла кругом. Ладони упираются плашмя в черный асфальт, и это значит, что я преодолела страх. Тогда перед глазами встает моя любимая гимнастка Надя Команечи. С широко раскинутыми руками. Победа!

Так, в позе подвешенной свиньи, я провожу перемены и жду Ану, это моя сестра. Сегодня утром она сказала мне, уходя: встретимся здесь, только вовремя, ясно? Иначе я пойду домой одна. «Здесь» — это у нижней ступеньки лестницы, за шлагбаумом, отделяющим паркинг от школьного двора.

Илария! Слезай! Мы идем к «Леону». Ну, живо!

Я узнаю папин голос. Удивившись, приподнимаю задравшийся подол платья — он заслоняет мне вид. Да, это носки его ботинок, это его нетерпеливый тон. Я делаю кувырок, приземляюсь на

ноги, разглаживаю платье.

Ана сейчас придет.

Нет, нет. Программа меняется. Мама заберет ее из школы, и мы все встретимся «У Леона». Идем!

Я беру его за руку, у него влажная ладонь.

С тех пор как наши родители развелись и папа переехал в Турин, мы видимся раз в месяц в ресторане. Это мамина идея. Она предпочитает нейтральную территорию. Говорит, что дома они всегда ссорятся. Это правда, «У Леона» они еще держатся в рамках. Хотя папа стискивает зубы, а мама равнодушно смотрит поверх голов.

Нет, папа пока не устроился. Когда он говорит «нет-работы-нет», голос у него грустный, усталый. Мама чуть поворачивает голову, пряча улыбку, и папа выходит из себя. Он повторяет слово «унизительно». К счастью, подходит официант и ставит на стол тарелки с филе окуня или креманки с меренгами под кремом шантильи. Спасибо.

После десерта мы с Аной встаем из-за стола и идем на маленький пляж собирать камешки. Учимся пускать круги по воде.

Ты видела?

Что?

Папа взял маму за руку.

Чтобы добраться до «Леона», мы проезжаем поселок Эрманс, пересекаем франко-швейцарскую границу и едем дальше по шоссе Ивуар. У папы темносиний БМВ, модель 320 купе.

Если увидишь телефонную кабину, скажи мне. Он закуривает сигарету. Вон она! Папа тормозит, выходит из машины и достает мелочь из кармана брюк. Его спина прижата к стеклу, и в складках рубашки вырисовываются буквы V и W. Я жду, открываю окно, чтобы повеяло прохладой. Кожаное сиденье больше не жжет мне ляжки снизу, оно даже приятно теплое на ощупь, когда я глажу его ладонью.

В кабине папа повышает голос, почти кричит, вот он обернулся. Наши взгляды встречаются. Его руки ходят ходуном, и я догадываюсь, что он волнуется. Он почему-то весь как деревянный. Мне от этого тревожно.

Вернувшись, он говорит, что мама передумала, у нее уже нет времени на обед. Мы с тобой проведем уик-энд вместе. А как же школа? Прогуляешь, всего пару дней… Ничего страшного.

Голос у папы такой, будто все решено. Я считаю

на пальцах: четверг, пятница, суббота, воскресенье. Четыре дня. А Ана? Мне хочется возразить, но я знаю, когда папа нервничает, лучше молчать.

Он срывается с места, резким движением загасив сигарету. Лоб у него мокрый от пота.

Туннель под Монбланом, франко-итальянская граница, своды галерей, извилистые дороги Валле-д'Аоста, укачивает. Мы останавливаемся под небом, затянутым серой простыней. Все вокруг будто металлическое. На обочине меня вырвало. Папа дает мне белый носовой платок. Надо чего-нибудь попить, тебе полегчает. Несколькими километрами дальше, в баре на заправке, у папы очень бледное лицо. Наверное, из-за неонового света. Он расплачивается с кассиршей за два куска пиццы «Маргарита», виски, кофе и лимонад. Я терпеть не могу лимонад, но ничего не говорю: во рту пересохло.

У вас есть жетоны для телефона?

Сколько вам?

Два десятка.

Кассирша аккуратно отсчитывает желтые кругляши и протягивает их папе.

Кабина на улице, слева.

У нее очень длинные ногти, покрытые ярко-

красным лаком. Я иду за папой.

Зачем эти жетоны?

Они нужны мне, чтобы звонить. В Италии нельзя просто опустить монеты в автомат.

От Женевы до Турина папа звонит несколько раз. Пять, если точно. Как только видит заправку, останавливается. Ты рада, что проведешь уик-энд со мной? Ты язык проглотила? О чем ты думаешь? Ни о чем.

* * *

Турин. Мы долго кружим в поисках места для парковки, и папа вздыхает как будто с облегчением, когда толкает плечом дверь своего подъезда. Я бегу к лестнице. Какой этаж? Пятый. На лестничной площадке папа ищет ключи. Сейчас увидишь свою комнату. Ты рада? Я говорю, да. Да, я рада. Послушай, Илария… Он поворачивает ключ в замке. Я должен тебя кое с кем познакомить, я о ней еще не говорил, ее зовут Женевьева. Кто это? Хозяйка дома. Папа открывает дверь и показывает на куклу-манекен в черном платье с белым кружевным воротником и шляпке. Он громко смеется. Лицо Женевьевы из белого пенопласта, глаз нет. Ну же! Заходи. Твоя комната в конце

коридора, за ванной.

Мне не терпится посмотреть, я по-быстрому заглядываю в другие комнаты и зажигаю свет в своей. В ней едва помещаются две кровати и два комода. Я подхожу к постеру «Тополино». Микки смотрит на меня своими глазами-туннелями. Папа остался стоять в дверях.

Я еще не нашел красивых бра, чтобы повесить над кроватями. Мы можем купить их завтра вместе, да? Если захочешь. Я провожу рукой по ткани и спрашиваю, те же ли это покрывала, что были во Флоренции.

Ты их помнишь.

Кажется, да. Когда это было?

Флоренция? Два года назад.

На покрывалах узор из оранжевых подсолнухов. Они напоминают мне о том времени, но я плохо его помню. Два года, а мне кажется, что мы с мамой и Аной переехали в Швейцарию уже сто или двести лет назад.

Утром мы просыпаемся рано и отправляемся на un giro, прогулку по Турину на машине. Папа рассказывает мне про заводы «Фиат», забастовки рабочих, наплыв мигрантов с юга. Туринцы, говорит он, их ненавидят.

В ветровое стекло он показывает мне дворцы, реку По, базилику Суперга, статуи. Видишь, вон там мальчишки между машинами, это posteggiatori, парковщики. Они так зарабатывают деньги, помогают людям парковаться.

Когда мы идем под аркадами корсо Витторио Эммануэле, папа крепко держит меня за руку, его ладонь по-прежнему влажная, но я не решаюсь выпустить ее, только у витрины магазина игрушек Al Sogno не выдерживаю и вырываюсь.

Не витрина, а целый зоопарк, только все звери в нем безобидные. Даже змеи добрые на вид. Папа ловит мой взгляд. Ты смотришь на мишку? Идем, купим его. Магазин полон деревянных игрушек, мобилей, кукол в сверкающих платьях. Я в восторге. А для Аны? Что мы ей купим? Да, куклу… Ана их обожает. Я выбираю самую красивую, у нее длиннющие ресницы, а глаза закрываются, если ее положить на спину. Пока продавщица заворачивает куклу в яркую подарочную бумагу, папа протягивает мне мишку. Как мы его назовем? Хочешь, будет Бирилло? Да. Я смотрю на Бирилло и уже люблю его блестящие глазки цвета молочного шоколада, кремовый животик, мягкую шерстку. Папа сжимает мне щеку двумя пальцами и смотрит ласково и грустно.

Я еще не знаю, что такой щипок за щеку все равно что его подпись. Он будет повторять этот жест два года, и в конце концов я его возненавижу.

Ты рада?

* * *

Мне восемь лет, и я тихая, послушная худенькая девочка. Я не хнычу, когда папа оставляет меня одну в квартире, чтобы позвонить из бара внизу «У Кармело». Дома у него нет телефона. Я очень быстро вернусь. Он всегда так обещает: через пару минут. Оставшись одна, я лежу на кровати, рисую, наклеиваю фигурки Сары Кей в новый альбом. Папа купил его мне в киоске. А когда мне надоедает ждать, я знаю, где его найти: у стойки. Мой ориентир — большая кофемашина, от которой разносится запах жженой карамели.

Здешние рабочие заходят в «Кармело» перекусить сэндвичем в обед или пропустить стаканчик по дороге домой. У всех есть имена и свои привычки. Una birra alla spina per Emilio e due tramezzini per Marco[1]. За стойкой хозяйка, Джанна. Она быстро-быстро нажимает большие

[1] Примечания: 1

Разливное пиво для Эмилио и два сэндвича для Марко (*ит.*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

кнопки кассы. Sei mila lire[2]. Взгромоздившись на свой маленький подиум, она улыбается, протягивает scontrini[3], сдачу, пачки сигарет, а когда никого нет, встает и подметает пол.

Кармело тем временем намывает стойку, подает кофе, протирает полотенцем стаканы, досыпает сахар в сахарницы.

Когда входишь, в кафе очень шумно. Рабочие хором подхватывают песню, которую передают по радио. Vorrei essere libero, libero come un uomo[4]. Я протискиваюсь, чтобы добраться до стойки, и залезаю на высокий табурет. Слушай, слушай! Это песня Джорджио Габера, «La libertà»[5]. Кармело смеется, и я вижу у него во рту пятнышки металлического цвета. Сколько же дырок у него в зубах? Сосчитать я не успеваю. Ты ищешь Фульвио? Он показывает на телефонную кабину рукой в мыльной пене.

А как прошел твой день? Хорошо. Завтра мы

---

[2] Примечания: 2
Шесть тысяч лир (*ит.*).

[3] Примечания: 3
Чеки (*ит.*).

[4] Примечания: 4
Я хотел бы быть свободным, свободным как человек (*ит.*).

[5] Примечания: 5
«Свобода» (*ит.*).

уезжаем обратно в Женеву. Ты скоро еще приедешь, правда? Кармело ласково улыбается. Мне будет грустно без тебя. Обещаешь? Я обещаю.

Потом появляется папа. На негнущихся ногах. Со странным лицом он склоняется к моему уху. Мы уезжаем сегодня вечером. Его дыхание похоже на сквозняк. Поторопись. Надо подняться, собрать чемоданы.

Попрощайся и поблагодари Кармело и Джанну *как полагается*.

* * *

Я сижу на заднем сиденье машины, и мне трудно дышать. Куда мы едем? А Ана? А мама? Когда мы к ним поедем? Прекрати хлюпать носом. Мы вернемся в Женеву через месяц. Месяц — это недолго. А как же окончание начальной школы? Ты сказал, что мы проведем вместе только уик-энд… Успеешь в следующем году. И хватит вопросов.

Перед глазами встает красивое платье, которое мы с мамой выбрали для торжественной линейки. Я думаю о Саре, моей лучшей подруге, об учительнице, о флажках, которые мы клеили в классе. У меня тяжелая голова. Я подтягиваю

колени к подбородку и крепко прижимаю к себе Бирилло. Во сне мне холодно, беспокойно.

* * *

Жажду услышать твой голос ТЧК С малышкой все хорошо ТЧК Она хочет с тобой поговорить ТЧК Жду тебя ТЧК Жди меня

Твой муж

* * *

Держи! Убери это в бардачок.

Теперь мы останавливаемся не только у телефонных кабин, но и у почты. Папа посылает кучу телеграмм и хранит копии. Наверное, нельзя их читать, но, когда они у меня в руках, мне так любопытно, что я нарочно копаюсь, чтобы разобрать хоть несколько слов.

Др-р-р, др-р-р. Семья, один мужчина, одна женщина. Две седые шевелюры едут на скорости тридцать километров в час по правой полосе. Папа ерзает на сиденье, выпускает руль, закуривает. Шевелись!!! Дай проехать. Он лавирует между машинами. Тебе страшно? Немножко. Он замечает, как мои пальцы сжали ручку дверцы.

На въезде в Геную пробки, много туннелей. Свет — темнота, свет — темнота. Вплотную друг к другу едут машины и длинные грузовики. Когда же кончится это шоссе? Достань карту, Илария.

Генуя, Милан, Брешиа, Алессандрия. Да, Брешиа, а потом поедем в Алессандрию. Я провожу пальцем по карте наш путь. Но в Алессандрии нет моря! Ну и что? Я знакомлю тебя с твоей страной. Тон у папы игривый. Чего доброго, еще и подмигнет мне. Папа сдает назад и сворачивает к заправке.

Мне надо позвонить, иди в бар.
Нет, я буду здесь.

Я жду его, прыгая на одной ножке вокруг кабины. Папа опускает жетоны в щель аппарата, закуривает. Pronto?[6] Разговор затягивается.

Я сижу в машине, оставив дверцу открытой, болтаю ногами. Небо в белых полосах, облака похожи на клубки шерсти. Воздух тяжелый, мне жарко и хочется пить. Другие машины подъезжают, уезжают, сдают назад на паркинге. Бегают дети. Осторожно, посмотри по сторонам, когда переходишь дорогу! — кричат их мамы. Проез-

[6] Примечания: 6
Слушаю (*ит.*).

жающие семьи такие на вид идеальные, умытые, причесанные, наглаженные, они точно знают, куда едут. А куда едем мы?

* * *

Шоссе, телефонные кабины, почтовые отделения, маленькие гостиницы, бары. День за днем. Мы часто останавливаемся на заправках — здесь они называются «Автогриль» — залить бак, перекусить сэндвичем, сходить в туалет. Мне здесь нравится. Внутри все цветное, яркое: горы конфет, корзины с едой, упакованные в хрустящую бумагу, короба с аудиокассетами, играми, плюшевыми игрушками. Пока я брожу между стеллажами, папа беседует с клиентами у барной стойки.

Что-что, а это он обожает.

Это сильнее его, ему необходимо с кем-нибудь поговорить. Все равно с кем.

И он как никто умеет завязать разговор. Начинает всегда с пары слов о пробках, погоде, а то еще с анекдота. Папа кому угодно развяжет язык, даже самым застенчивым с ним комфортно. Он выглядит как дома, когда, облокотившись на стойку, обращается к официанту. А еще он иногда паясничает, и его тут же окружают улыбающиеся

лица. Мне больше нравится видеть его таким, довольным, со смеющимися глазами, чем волей-неволей выслушивать теории насчет людей.

Да, да, сейчас поедем. Последний глоток. Опять последний. Он пьет очень быстро, и, когда берет стакан, я не сомневаюсь, что, будь он слепым, делал бы это так же уверенно. И так же вздрагивали бы его губы. Мне кажется, он боится, что не успеет допить виски.

Он шепнул мне однажды, что это его лекарство, и ущипнул за щеку.

Скажи спасибо. Я благодарю бармена, со всеми прощаюсь.

On the road again[7]. Мы отходим от стойки вот так, сразу.

Шоу окончено, до свидания и спасибо.

Др-р-р, др-р-р.

* * *

Чего тебе хочется?

Не знаю.

Ты ничего не ешь.

Куда мы потом поедем?

---

[7] Примечания: 7
Снова в дорогу (*англ.*).

В сторону Триеста. Я еще не знаю. Что-нибудь сообразим.

Будем ночевать в гостинице?

Я не люблю, когда приходится спать над барами в маленьких городках. Сама не знаю, что тому причиной, холодные безликие комнаты, которые я ненавижу, или бесконечные вечера за барной стойкой. Сидя на высоком табурете, я вполуха слушаю папины рассказы. Про скачки, про его приключения в молодости, когда он был военным. А в его рассуждениях о политике я ничего не понимаю. Мне больше нравится, облокотившись на стойку, рассматривать других клиентов; одни играют в карты, другие сидят в сторонке, неотрывно глядя в зеркало за бутылками, и у них отчего-то грустные глаза. О чем они думают? Почему молчат? Стесняются? Я сочиняю про них разные истории. Они одни, потому что поссорились с женой. Грустят, потому что умерла их собака. Я боюсь встретиться с ними взглядом, но мне хочется дать им понять, что я их узнала, что мы из одной семьи, мы молчуны. Когда это все же случается, я опускаю глаза, спрыгиваю с табурета и иду бросить монетку в музыкальный автомат или поиграть в электрический бильярд. Папа дает мне сколько угодно монеток, лишь бы

я оставила его в покое.

Блям, бум, дзинь. Я уже здорово управляюсь с большими шарами в освещенной коробке под стеклом. Еще одну партию. Последнюю.

Так я оттягиваю время, когда он отправит меня в кровать.

Я не люблю эти комнаты. Мне в них одиноко. Бармены всегда говорят, мол, это только переночевать. Матрасы продавленные. Выбирая себе кровать, я прыгаю на ней и ложусь там, где яма поменьше. Плиточный пол холодит ноги, постельное белье сомнительной чистоты. Поднявшись, я не задерживаюсь, чищу зубы и ложусь, прижимая к животу Бирилло. Сон не идет, я жду папиных шагов, момента, когда он толкнет дверь и рухнет одетым на свою кровать. Еще несколько секунд, и его дыхание станет хриплым. Он спит как убитый. Мир для него больше не существует. В номере пахнет табаком и перегаром. Я открываю окно, расшнуровываю его ботинки, стаскиваю их вместе с носками, ставлю на ночной столик стакан с водой. Папа всегда засыпает на спине, скрестив на груди руки. Я снова ложусь в кровать. Упираюсь боком в угол матраса. Так и засыпаю на краю.

Утром мы уходим из номера рано. Кофе. Бри-

ошь. Spremuta d'arancia[8] для меня.

Мы встречаем людей лишь мельком.

Где бы ни появились, не оставляем никаких воспоминаний, разве что смутный след в памяти вчерашних клиентов.

Мы садимся в машину, и папа включает радио. Я больше не спрашиваю, куда мы едем.

Дикторша по радио сообщает: «Передаем сводку погоды на девятнадцатое июля. В ближайшие двадцать четыре часа центральные районы Италии будут находиться под влиянием циклона. Он идет из Туниса и направляется к Восточной Европе. Затем ожидается улучшение погоды».

* * *

Знай твоя дочь расстроена что не может с тобой поговорить ТЧК Я опровергну все обвинения в похищении ТЧК Le bugie hanno le gambe corte ТЧК Что значит у лжи короткие ноги[9] ТЧК Чего ты этим добьешься ТЧК

---

[8] Примечания: 8

Апельсиновый сок (*ит.*).

[9] Примечания: 9

Итальянская поговорка означает, что обман непременно раскроется, «не успев уйти далеко».

* * *

Мы с папой живем профиль к профилю. Я знаю наизусть линию его носа, овальную форму ушей, торчащие из бровей волоски над самой оправой очков. Я даже умею распознавать его настроение по вздохам, жестам, ворчанию. Когда он покусывает толстую кожу вокруг ногтя большого пальца, значит, задумался и скоро захочет сделать una telefonata[10]. Если мы далеко от заправки, закурит, чтобы скоротать время. Он вскроет пачку легких сигарет, зажав язычок губами. Пальцами надорвет серебряную бумагу и постучит пачкой о руль, чтобы выбить сигарету.

Сколько было телефонных звонков, с тех пор как мы уехали? Сотни. Сколько дней прошло?

Ближайший выезд через три километра. Папа показывает пальцем на дорожный указатель. Заодно заправимся.

Телефонные кабины словно клетки на границе трех миров. Он начинает говорить, и я вижу, как пляшут в стеклянной коробке мамин мир, папин мир и мир автострады. Я не слышу разговора, но

---

[10] Примечания: 10
Телефонный звонок (*ит.*).

мне кажется, будто он играет в пинг-понг. Слова летают, отскакивая от стекла. Сигарета, сигарета, сигарета. Все заволакивает дым. Папа открывает дверь, придерживает ее правой ногой, опускает жетоны в щель аппарата. В этой комичной позе его тело преображается. Шея твердеет, вспухает, заливается краской, руки дрожат. Он нервно смеется. Жестикулирует, тычет пальцем в пустоту. Это будет продолжаться часами, и вернется он злющим.

Разговор заканчивается, я слышу, как папа кричит: «Не вешай трубку!»

Я вдыхаю и выдыхаю один раз, два раза, потом не дышу.

Стараюсь стать маленькой, еще меньше, как можно меньше.

Я дам тебе маму в следующий раз.

* * *

Когда кто-нибудь спрашивает папу, куда мы направляемся, он называет город на другом конце Италии. Когда спрашивают о его профессии, он отвечает по-разному: предприниматель, инженер, адвокат… Настоящий человек-оркестр, владеет всеми профессиями, всеми языками, всеми

жаргонами. Папа лжет как дышит, да еще очень вежливо, даже глазами. С кучей подробностей, будто описывает картину. У него это получается так хорошо, так точно, что все ему верят.

Но вся эта ложь ничего не меняет в нарастающем между нами молчании. Вот такой запутанный клубок.

Зачем ты все это выдумываешь?

Какая им разница, где я живу, чем занимаюсь? Я с тобой, это главное. Папа ищет мой взгляд, я опускаю глаза. Ты не переживай из-за вранья. Это все пустяки. Полно! Включи радио.

Диктор: «Edizione straordinaria[11]. Сегодня, в среду двадцать третьего июля тысяча девятьсот восьмидесятого года, заместитель прокурора Республики Марио Амато был убит выстрелом в затылок, когда ждал автобуса на виале Джонио в Риме в восемь часов утра. Убийца скрылся на мощном мотоцикле, за рулем был его сообщник. Марио Амато занимался расследованием деятельности крайне правых группировок, сеющих террор в столице. Он обнаружил связь между государственными учреждениями и ультраправой

---

[11] Примечания: 11
Экстренный выпуск (*ит.*).

молодежью. В своей последней речи он подчеркнул, что страна на пороге гражданской войны».

* * *

Перед тем как зайти в бар «Автогриля», папа всегда поправляет галстук, одергивает пиджак и шагает уверенно. Он говорит, что, когда путешествуешь, надо выглядеть элегантно. Я рядом с ним чувствую себя клубком волос, торчащих отовсюду. Правда, у меня красивая юбка. Как тюльпан вверх ногами. Я ношу ее с самого отъезда, и, когда напоминаю об этом папе, он говорит, что мы недалеко от Флоренции и да, мне нужна одежда. Вот и отлично.

Час спустя мы уже в «Станда», это большой универмаг. Детская секция на втором этаже. Неоновый свет, реклама, эскалатор. Папа ворчит. Терпеть не могу большие магазины, выбирай что хочешь, только быстро. У меня разбегаются глаза.

Одежду мне всегда покупает мама.

Какой у тебя размер?

Я не знаю.

Папа сердится на меня и обращается к продавщице. Она ему нравится, сразу видно. Ей он

улыбается и говорит ласково. Даже голос изменился. Иларии нужно все, вплоть до купальника. Я полагаюсь на вас! И мне: оставляю тебя с этой милой девушкой. Una telefonata, и я вернусь.

Продавщица наклоняется ко мне. Меня зовут Ливия. А ты Илария? Чего бы тебе хотелось? Ты знаешь, какой у тебя размер? В голове мутится. А какой у тебя любимый цвет? Она ласково разговаривает со мной, показывая платья, брюки, носки, белье. Да, мне нравится.

Прошел час. Я сижу у кассы, не сводя глаз с эскалатора. Наконец появляется папа. Он посмеивается. Ты думала, я брошу тебя здесь? Смотри, что я нашел. Он протягивает мне кассету Пьеро Чампи и широко улыбается.

За рулем он, забыв обо всем, слушает певца, ноты фортепиано, скрипки. «Я возвращаюсь каждый вечер туда, где ты сжимала мою руку. Твое лицо — вечер, полный теней». E torno ogni sera dove tu stringevi la mia mano. Ed il tuo viso è una sera piena di ombre.

Папа больше ничего не говорит. Я поворачиваю голову и вижу, что его щеки блестят, по ним текут слезы. Я хочу его утешить, но не знаю как. И просто кладу ладонь на его запястье. Он улыбается

мне. Моя принцесса… Ты-то меня понимаешь.

Впервые он назвал меня «моя принцесса».

Прикури мне сигарету. У меня дрожат руки.

Я не хочу.

Полно, не капризничай. Возьми сигарету и, когда поднесешь к кончику пламя зажигалки, вдохни. Это же просто, попробуй.

Я нехотя повинуюсь. От попавшего в горло едкого дыма кашляю.

Ты вся красная! Папа смеется.

* * *

Прижав к себе Бирилло, я смотрю на его отражение в зеркале ванной комнаты.

Вооружившись помазком, папа густо мылит щеки. Водит бритвой, и из-под белой пены постепенно проступает гладкая кожа. Широкими четкими полосами. Он бреется старательно, сосредоточенно, кривит рот, задирает нос, приступая к подбородку. Его уверенные движения становятся осторожнее, когда он доходит до шеи. Потом папа открывает кран и набирает воды в пригоршню. Умывается, чтобы не осталось ни следа пены, вытирает полотенцем щеки, руки, локти. Достает флакон одеколона и наносит

несколько капель на шею.

* * *

Возвращаясь из телефонной кабины, папа всегда говорит: Avanti![12] Как будто эти слова придают ему сил и мужества, чтобы вновь пуститься в путь. Он давит на педаль акселератора, взревев мотором, крепко сжимает руль, лавирует. Мы indivisibili[13], говорит он. Сильнее всех, моя принцесса… сильнее всех. Есть что-то окончательное и бесповоротное в его тоне. Я крепче держусь за ручку, и в голове вертится слово invisibili[14]. Сколько і поместилось в нашу летающую тарелку.

Не сводя глаз с дороги, папа спрашивает, который час. Два часа. Включи радио.

«Telegiornale delle ore quattordici[15]. Edizione straordinaria. Все правое крыло вокзала Болоньи

---

[12] Примечания: 12
Вперед! (*ит.*)

[13] Примечания: 13
Неразделимые (*ит.*).

[14] Примечания: 14
Невидимые (*ит.*).

[15] Примечания: 15
Новости в четырнадцать часов (*ит.*).

сильно пострадало от взрыва. Пятьдесят пять погибших и сто восемьдесят раненых, несколько из них в тяжелом состоянии. На данный момент причины катастрофы не установлены. Самой вероятной гипотезой считался взрыв бойлера в зале ожидания второго класса, однако около трех часов спустя поступил анонимный звонок: ответственность за теракт взяло на себя ультраправое движение NAR, Революционные вооруженные ячейки».

Боже мой! Пятьдесят пять погибших, шепчет папа. Долгое молчание. Нам надо держаться подальше от больших дорог, повсюду будут полицейские кордоны. Для нас это нехорошо.

Почему?

Твоя мама нас ищет. Попадись хоть один не в меру ретивый полицейский, и я сяду в тюрьму. Ты же не хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму?

У меня перехватывает горло.

Мама нас ищет?

Нет, я пошутил, моя принцесса. Все в порядке. Возьми карту.

Поколебавшись, я достаю карту из бардачка и разворачиваю ее. Папин палец показывает дорогу. Я думал, мы поедем так, видишь? Это ав-

тострада дель-Соле. Смотри, она связывает Милан с Неаполем, семьсот пятьдесят километров асфальта, мосты, виадуки. Эта автострада подарила Италии новое лицо. Самая настоящая революция. «Необходимо развивать страну». Я еще помню, как Моро сказал это по телевизору.

Видишь, вот здесь, Болонья, Сиена, Орвието, Монтекассино, Неаполь?.. Мы изменим маршрут. Поедем вот так.

У папы никогда не иссякают идеи, если он ищет выход. Я опускаю стекло, высовываю в окно голову и смотрю на убегающий назад пейзаж. Небо такое лазурное, что почти больно глазам. Воздух сухой. Я глотаю слюну.

Тебе скучно? А хочешь научиться водить? Я пожимаю плечами. Он сворачивает на проселочную дорогу и, затормозив, велит мне пересесть к нему на колени и положить руку на его ладонь.

Держи руль крепче! Я сжимаю пальцы и смотрю прямо перед собой. Он запускает мотор, и машина едет вперед, сначала тихонько. Потом все быстрее. Я смеюсь. Мне страшно. Я смеюсь, потому что мне страшно. Переключай передачи сама, слушай мотор. Несколько часов мы катаемся по этой проселочной дороге. Держи руль,

переключай передачи, объезжай выбоины. Туда — обратно, туда — обратно. Нравится тебе, а? Потом он останавливается и поднимает капот. Машина — это еще и ее мотор. Папа пускается в объяснения, все очень сложно. У каждой детали своя роль. Он показывает, отвинчивает, привинчивает. Его белый платок весь в масле, но он горд собой. Горд тем, что задает мне вопросы, а еще больше горд моими ответами.

Твой телефон отлично работает ТЧК Зачем блокируешь номер ТЧК Отец твоих детей ТЧК

Солнце в пути слепило нас часами. День был долгий, потому что папа решил ехать только по объездным дорогам. Он говорит, что на автостраде полно полицейских. Они ищут террористов.

Он показывает на горизонт. Вон там Югославия, а это Адриатическое море.

Потерпи еще немного, Илария. Скоро мы приедем в Сан-Бенедетто.

Но мы останавливаемся раньше.

Вот и оно, водная гладь в конце дороги, круто спускающейся к длинному желтому пляжу. Перед нами две ярко-синие полосы. Небо и море. А я-то уже не верила.

Папа останавливает машину, он так возбужден,

что его трясет. Разувшись, он отшвыривает ботинки, закатывает штанины до колен и бежит по песку к морю. Когда он оборачивается, его лицо сияет улыбкой. Когда бежит, ноги едва касаются песка. Он почти летит, легкий, как воздух. И зовет меня за собой. Иди сюда! Иди! Здесь чудесно. Песок теплый.

Начинаются десять дней каникул. Десять дней отдыха после двух месяцев пути. Десять дней на бирюзовом фоне. Десять дней под зонтиком в красную и белую полоску. Десять дней такой жары, что даже папа реже ходит до телефонной кабины и обратно. Десять дней дремоты, плеска волн, гомона детей, их криков на пляже: дай мне мяч! Десять дней буйков в виде оранжевых уточек, замков из песка, густой тишины — хоть ножом режь.

Ты не хочешь поиграть с другими детьми? Нет.

Ты не хочешь поплавать?

Да. «Да», чтобы доставить ему удовольствие. Я знаю, что папа наблюдает за мной и думает, будто я плаваю плохо. Надо делать вот так. Сидя в шезлонге, он двигает ногами по-лягушачьи, мне от этого никакого толка, зато смешит соседей, с которыми он завел разговор.

Однажды после обеда он ведет меня к скалам. Прыгай! Прыгай, или столкну, у тебя нет выбора. Раскаленный камень жжется под ногами. Я медлю. Делаю шажок вперед. Думаю о Наде Команечи. Так и вижу ее сосредоточенное лицо, закрывающую брови челку, мускулистые ноги на бревне. Вот она начинает упражнения, прыжки, повороты. Тянет носок. В своем белом трико она похожа на ангела. Последнее сальто — и приземляется на ковер, на обе ноги, поднятые руки раскинуты буквой V. Победа.

Я прыгаю.

Под водой все вдруг затихает. Открываю глаза — я в мокром небе. Хочется остаться здесь, чтобы никто не видел, парить в этом спокойствии. Но мне не хватает воздуха. Я вдыхаю носом воду. Перед глазами снова Надя со своим победным V. Я должна вынырнуть во что бы то ни стало. Папа встречает меня громким смехом. Браво, моя принцесса!

Мы живем «У Нино», это гостиница с баром и рестораном на центральной площади. Днем в нашем номере настоящее пекло, зато вечером на балконе под легким ветерком отлично. Мы смотрим оттуда, как прогуливаются люди по проспекту. Все здесь так легко, празднично, и я

думаю, что папе, наверное, больше хотелось бы сейчас быть в баре, чем со мной. Но ничего не говорю. Я не хочу опять ждать его часами.

Дети бегают туда-сюда, брызгают друг на друга водой из фонтана. Родители беседуют. Подростки, слившись со своими «Веспами», притворяются, будто не видят проходящих девушек, но, стоит тем повернуться спиной, хихикают. Старики сидят на скамейках. Наблюдают за всем, ни слова не говоря, как в театре.

Чувствуется, что последние дни каникул уже близко.

Упираясь подбородком в балконные перила, папа косится на меня.

Жаль, что мамы и Аны нет с нами.

Правда жаль. Когда мы вернемся?

Он откашливается, шумно вздыхает и смотрит на меня в упор.

Знаешь, мы с твоей мамой… любим друг друга. Но мы друг друга не понимаем, она говорит, что я мешаю ей жить. Я уже ума не приложу, что делать. Жизнь с ней стала невыносимой. Ты помнишь, как у нее меняется настроение? Как она сама не знает, чего хочет? Сегодня «да», а наутро «нет». Договариваемся встретиться в ресторане,

а потом вдруг: ой, все-таки нет. Я тут подумала… Помнишь? Она всегда говорит «Я тут подумала». Она, мол, устала, она работает за двоих, всем занимается в доме, у нее нет больше сил. С тех пор как вы поселились в Женеве, она очень изменилась, очень. До этого жизнь была проще.

До чего?

До вашего рождения, мы тогда всё делали вместе, абсолютно всё. Мы были неразлучны. Ни минуты не могли прожить друг без друга. Твоя мама стала очень серьезной с тех пор, как появились вы. Она говорит, что не может больше меня выносить.

Папа бьет кулаком по перилам, я вздрагиваю. Такое чувство, будто я сунула пальцы в розетку. С какой злостью он это сказал. Я вижу его в профиль, мускулы стиснутых челюстей вздулись. Он уходит в комнату и принимается мерить ее шагами. Как возбужденный гепард в клетке. Его глаза смотрят в пол, как будто все вокруг него исчезло. Он подносит к губам бутылку виски и надолго припадает к горлышку. Буль-буль, буль-буль.

Представь себе, Илария, в одночасье… Когда я вернулся во Флоренцию, квартира была пуста.

Совершенно пуста.

Ни мамы, никого.

Даже никакой записки, ни слова объяснения. Ничего, абсолютно. Она сбежала и забрала вас. Я чуть с ума не сошел, это нормально, а? Моя жизнь кончилась вот так, раз — и нет. По-твоему, это справедливо? А я мысленно вижу, как мама закрывает дверь гостиной и просит папу перестать кричать. Иногда она даже давала нам ракетки для пинг-понга и говорила, чтобы мы пошли прогуляться.

Папа глубоко вдыхает, раз, другой, третий.

Я только хочу, чтобы мы любили друга, как раньше. Раньше мы были счастливы. А теперь что? Я живу один в Турине. В этом ужасном городе. Я пытаюсь понять твою маму, делаю все, что в моих силах, чтобы ее порадовать, но не могу же я взяться за первую попавшуюся работу! Она говорит, что хочет развестись, что больше меня не любит… Все врет. Я ни за что не подпишу бумаги о разводе. Я должен заставить ее передумать.

Папа шумно дышит. Он удерживает слова, которые рвутся у него изо рта. Хочет их прожевать и не может. Надолго умолкает.

Как она смеет говорить, что наша любовь кончилась? Твоя мама всегда была гадкой лгуньей. У твоей мамы нестабильная психика. Что она себе думает? Что я вот так подожму хвост?

Он садится на кровать, сжимает голову руками, скрестив пальцы на затылке, и после долгого молчания поворачивается ко мне.

Ты скучаешь по маме? А по Ане?

Теперь у него ласковый голос. Я пожимаю плечами. Он смотрит на меня удивленно.

А я по маме очень скучаю.

Я не уверена, что мы говорим об одной и той же маме.

* * *

Опираясь на локоть, папа курит сигарету за сигаретой. Жара такая, что вот-вот растрескаются камни. Окна открыты настежь, в машину врывается ветер. Чтобы слышать музыку, я прибавляю громкость. Кассеты крутятся вовсю. Сторона А, сторона В. Слова песен засели у меня в голове. Я знаю наизусть песни Орнеллы Ванони, особенно «Appuntamento»[16]. Эта песня напоминает мне о маме, как она напевала ее, только вместо слов мычала «м-м-м, м-м-м-м». Но всегда пела припев, его она знала слово в слово. Amore è già tardi e non resisto. Si tu non arrive non esisto. Non esisto, non

---

[16] Примечания: 16
«Встреча» (*ит.*).

esisto. Моя любовь, уже поздно, и я не сопротивляюсь. Если ты не придешь, я не существую, я не существую.

Я часто перематываю ее и слушаю подряд, раз за разом.

Папа, я хочу есть.

Издали мост-ресторан «Автогриля» в Кантагалло выглядит легкими-легкими линиями над автострадой. Как будто насекомое, паук в профиль, только на двух ногах. Мы садимся за столик в ресторане на втором этаже. Папа смотрит сквозь стеклянную стену на проезжающие машины. И куда они едут, все эти люди? Можно подумать, что мы на корабле, правда? Ох, какое море бетона… Подумать только, эту станцию обслуживания открыл архиепископ Болоньи! В своей речи он сравнил эту дорогу с той, что соединяет Галилею с Иерусалимом… пф-ф-ф. Сколько же глупостей наслушаешься, уши вянут!

Он ковыряет вилкой остывшую еду, отодвигает тарелку и заказывает виски. На лице у него облегчение. Я что-то ем, а папа оглядывается через плечо, поправляет очки на носу, закуривает сигарету. Мимо идет женщина, папа провожает ее глазами. Подходит официант. Еще виски, еще

виски, еще виски.

Где мы будем сегодня ночевать? Через час он скажет, что ему надо вздремнуть, или же пробки, запах свежего асфальта, лопасти экскаватора, ремонтные работы заставят нас свернуть на другое шоссе.

* * *

Папа любит водить машину и иногда длит это удовольствие, сколько может, до поздней ночи. Окутанные тьмой, мы слушаем «My Funny Valentine». Папа эту песню обожает. Он обожает джаз. Его надо включать ночью, говорит он, так лучше слышны ноты.

Этому человеку, наверное, было очень одиноко, продолжает папа, закуривая сигарету. И грустно. Ты слышишь его одиночество, Илария?

Голос напоминает мне тальк, бархат, и когда я смотрю прямо перед собой, темнота поглощает все, кроме высоченных стволов, чернеющих по обе стороны шоссе. Все тонет в ней, и мои воспоминания тоже.

Чем дальше мы от Женевы, тем больше мне кажется, будто я иду с завязанными глазами по коридору.

В голове крутятся слова, которых я больше не слышу: «Уберись в своей комнате», «Почисти зубы», «Садись за стол, пора обедать». Эти короткие фразы связывают меня с домом, с прежней жизнью. Я пытаюсь представить себе дорогу в школу, мою парту в классе, принюхиваюсь в поисках запаха мыла у нас дома, хочу увидеть, как расставлена мебель в моей спальне, но что-то мне мешает.

Я упираюсь, выдумываю подробности, чтобы побороть одолевающее меня Сомнение: а существует ли Женева?

Здесь мы под защитой от всего, Илария. Правда? А ты любишь темноту?

О чем ты думаешь, Илария?

* * *

Давай же! Вылезай! Иди разомни ноги.

На игровой площадке папа садится на скамейку и поднимает воротник пиджака. Погода переменилась, сегодня с утра прохладно. Качели, турник, потом я подбегаю к нему.

Понюхай! Я подношу руку к его лицу, чтобы он почувствовал запах ржавого железа на моих ладонях. Никогда больше так не делай. Голос у

него сердитый. Он лижет мою ладонь.

Я пячусь. Третьего дня он сам тер ладони о стволы: понюхай, пахнет деревом; о булыжники: понюхай, пахнет камнем; о металл: понюхай, пахнет ржавчиной. Нам было очень весело.

Я снова сажусь на качели, спиной к папе. Подходит маленькая девочка. Хочешь поиграть с нами в кошки-мышки? Другие дети поодаль ждут моего ответа. Я медлю, вытираю слезы. Ладно.

Я прыгаю, перелезаю через препятствия и показываю мою фишку: подвешенную свинью. Теперь я уже не боюсь отпустить руки.

Ты живешь во Флоренции?

Нет.

А где?

Все глаза устремлены на меня, и я не знаю, что ответить. Мне хочется показать на машину, но что-то сдерживает.

Я живу в Швейцарии. А вы?

А мы живем в Таранто. В каком ты классе?

Дети, сюда! Мы уезжаем! Родители хотят ехать дальше. Я смотрю им вслед.

А я больше не пойду в школу?

Папа смотрит на кончик сигареты, глубоко

затягивается и долго не выдыхает дым.

Знаешь, Илария, сейчас есть более важные вещи. Мы с мамой решили, что ты еще немного побудешь со мной. Дым вырывается у него изо рта маленькими облачками. Ты понимаешь?

Я не смею сказать «нет», не смею сказать, что не понимаю, что мне до лампочки важные вещи. Я хочу в школу, хочу играть с подружками, ходить на дни рождения, на гимнастику. Хочу прыгать и кувыркаться, упражняться на бревне и быть как Надя Команечи. Я хочу домой. Но при мысли, что я расстанусь с папой, все внутри холодеет. Не могу же я оставить его одного. Я смотрю ему в лицо, сажусь рядом, кладу голову ему на плечо и просовываю руку под локоть. Папа гладит меня по щеке и щиплет ее. Что с тобой, моя маленькая принцесса?

Что такое КР? Кремона. А ФР? Фрозиноне. Номера машин у нас вместо загадок. Потом мы играем в игру, кто насчитает больше желтых автомобилей, красных грузовиков.

Вдали поросшие лесом холмы, луга и заброшенные ангары. Электрические провода на железных столбах напоминают мне, как я рисовала, когда была маленькой: горизонтальная линия — ру-

ки, вертикальная линия — туловище, кружок — голова. Мои глаза скользят, не зная, за что зацепиться, и останавливаются на отражении в зеркальце заднего вида. Я ищу мертвые углы, о которых говорил папа. У нас они тоже есть.

Мертвые углы?

Да, такие воронки, которые все поглощают, они засасывают и нас.

* * *

Как ты думаешь, кто-нибудь живет вон на той ферме? Где?

Я показываю пальцем на полуразрушенную ферму. Нет.

Как грустно. Вот если бы там были Ана и мама… Конечно, они там. Мама на кухне, скоро обед. Как она готовит свои эскалопы с марсалой, знаешь ведь? Да, она слушает радио у плиты и вся растрепана.

В переднике.

Слышишь, мама зовет нас. Гото-о-о-ово! К столу-у-у-у!

Мы с папой играем: придумываем наш дом и обставляем его. Во-первых, он будет большой. И чтобы было много окон. И огромный сад, а в

нем пруд с рыбками. У нас с Аной по комнате. Моя — зеленая, и я смогу разместить в ней коллекцию минералов. Папа обещает сделать мне красивую этажерку. И я повешу большой постер Нади Команечи, хорошо? Хорошо. В кухне будет много шкафчиков, чтобы мама держала в них все бытовые электроприборы. Для нее папа тоже сделает этажерку. А то ей вечно некуда ставить кулинарные книги. Мы купим хорошую газовую плиту. И еще у нас будет чердак. Да. Снесем туда всю старую мебель. Она занимает слишком много места, согласна?

Точно. А в гостиной будут знаешь какие большие стены. Мама сможет повесить все свои картины. Я сделаю дырки дрелью, обещаю.

А Ана получит наконец черепаху, она давно о ней мечтает.

Какое у мамы любимое платье? Какая у Аны любимая игра?

Папа ничего не отвечает.

Да зеленое же! А Ана обожает играть в учительницу.

Папа смеется, ему весело. Под хорошее настроение можно спросить, почему мама не хочет со мной разговаривать. Он говорит, что звонит

ей, когда она на работе, очень занята, и надо поговорить по-быстрому, а то еще, чего доброго, кто-нибудь зайдет в ее кабинет.

Но если ты будешь говорить не так долго, я тоже успею сказать ей пару слов.

В следующий раз, обещаю.

* * *

С деревьев по краям шоссе облетают листья. Даже свет стал холодным уже несколько дней как. Мы остановились в Триесте. Папа устал. Он говорит, что ему нужно передохнуть, подумать.

Поплутав немного, мы подходим к «Да Джованна», это пансион у моря. У стойки администратора папа теряет терпение.

Номер с двумя кроватями будет готов не раньше двух часов, сказала хозяйка.

Два часа? Нет, это слишком долго. Мы ехали всю ночь… Женщина пожимает плечами. Да пошли вы все, папа наклоняется, чтобы взять свой чемодан, но Джованна вздыхает и цедит сквозь зубы: ладно уж.

Комната большая, потолок высоченный, стены оклеены обоями бледно-розового цвета. Не сравнить с клоповниками над барами. Есть даже

маленькое кресло, и окно выходит на улицу. Прямо на палаццо из белого и серого камня. Впервые за долгое время мы едим горячее два раза в день, сидя за настоящим столом в столовой. В комнате много книг, на стенах картины — корабли, бурное море. Мы единственные постояльцы и переговариваемся тихо-тихо.

Не сезон, шепчет папа.

Джованна не знает, как нам угодить. Она приносит дымящиеся тарелки, от одних запахов у меня разыгрывается аппетит. Allora, le mie fettuccine? Come sono? La piccola ha bisogno di mangiare! È troppo magra[17]. Она говорит, что я слишком худая, и папа хмурится. Я уплетаю за обе щеки. Понравилось тебе, а? Джованна косится на него с вызовом.

Эта женщина — чума. Если она станет задавать тебе вопросы, скажи, что мы едем в Лечче к твоей больной бабушке. Ни в коем случае не говори ей про Женеву, поняла?

* * *

Папа подолгу спит. Я рисую, а когда надоедает,

---

[17] Примечания: 17

Ну как мои феттучини? Как они? Малышке нужно поесть. Она слишком худенькая (*ит.*).

бужу его.

День за днем — номер, столовая и прогулки по берегу моря. Море меня успокаивает, помогает думать. А тебя нет? Мне скучно. Идем! Купим тебе красивый пенал и лучший альбом для рисования. В магазине я выбираю еще и ранец, кладу в него альбом и пенал — двойной, с резинками, крепко удерживающими цветные карандаши на своих местах. Вот так, с одного взгляда определишь, если какого-то не хватает. Это говорит мне продавец, пожилой дядя, весь в светло-сером. От него хорошо пахнет.

Мой рисунок: дирижер и его музыканты. Рука выводит выражения их лиц, придает форму инструментам. Медлит. Я рисую, стираю. Снова рисую. Рука ищет.

* * *

Папа стоит в изножье моей кровати и будит меня, хлопая в ладоши. Подъем! Подъем! Встаем, убираем постель, умываемся, одеваемся. Быстро, мы уезжаем через полчаса. Гр-р-р-р! Так, говорит он, его с товарищами будили в армии.

Что случилось?

Быстрее, мы едем на вокзал. Ты слышала, что

сказал лысый дядя вчера вечером? Он подал мне одну идею.

Лысый дядя вчера вечером?

Я стояла у большого окна и смотрела, как машины тормозят на светофоре. Они были все мокрые из-за ливня, налетевшего откуда ни возьмись. Все едва маячило за ветровыми стеклами — цвета, лица. Никого не разглядишь, разве что между движениями дворников, если успеть. Люди шли по тротуару быстро, ссутулившись, опустив головы. У тех, кто был без зонта, капли стекали по шее на спину. Они поднимали воротники, перепрыгивали через большие лужи.

Папа у стойки уткнулся в газету «Унита». «После победы Рейгана на выборах мир в тревоге». В баре было пусто, только одна парочка сидела за столиком в углу. Прическа женщины напомнила мне мамину. Мы с Аной называли ее «шиньон-бриошь». Все пышно и мягко. Женщина держала мужчину за руку, а он смотрел на нее ласково.

А потом вошел, громко хлопнув дверью, низенький дядя. Он взобрался на табурет у стойки. Вытер лысину и затылок носовым платком. Голос у него был зычный. Un caffè. Должно быть, завсегдатай. Он спросил бармена: помнишь, я

рассказывал тебе вчера вечером? Как потерял часы… Ну вот, они нашлись. Я вспомнил, что снимал их в поезде. И на всякий случай сходил в бюро находок на вокзале. Там старичок поставил передо мной целую коробку с разными часами. Figurati[18], среди них были мои! Он вытянул руку над стойкой. Видишь? Бармен подошел ближе. Это были часы моего отца. Они старые, но я не могу с ними расстаться. Он улыбнулся и продолжал. Больше всего меня удивило, сколько часов в той коробке. Видел бы ты их. Там были и очень дорогие! Ба, что ни говори, есть еще честные люди в этой стране!

Запиши кофе на мой счет.

И дядя ушел, как пришел, ступая по своим мокрым следам.

Папа ходит из угла в угол и говорит: когда мы подойдем к окошку бюро находок, смотри хорошенько на чемоданы, поняла? Выбери самый лучший… Красивый, кожаный и, главное, большой. Обязательно дай понять, как ты рада, что его видишь. Улыбайся вовсю. Служащий спросит мое имя… я назову… Франческо Муравия, ладно? Ну да, совру немножко, ничего страшного. Тебе

---

[18] Примечания: 18
Здесь: представь себе (*ит.*).

все ясно?.. Если он спросит меня, как это вышло, что я забыл чемодан, я скажу… скажу, что уснул в поезде, а проснулся, только когда объявили отправление, мы выскочили из вагона, и… Ну вот, а чемодан я забыл. Понятно? Можно сказать, что это ты меня разбудила и в спешке мы забыли чемодан. Ты все поняла?

* * *

Мы возвращаемся с вокзала, и у папы вытягивается лицо, когда он открывает чемодан. Найдя спрятанные за подкладкой украшения, он грустно улыбается и ссыпает их в ладонь: два браслета, нитка жемчуга и сережки.

Я смотрю, как он роется в вещах.

Это женский чемодан. Чувствуешь, как пахнет духами? Может быть, этот свитер тебе подойдет, а? Папа протягивает мне что-то вязаное, невесомое, розовое.

Ане бы наверняка понравилось. А я терпеть не могу розовые вещи.

Папа отвлекается, оборачивается, сгибает колени, чтобы быть вровень со мной, и берет меня за плечи. Я чувствую каждый его палец на своих лопатках, он сжимает их крепко.

Моя принцесса, ты должна пообещать мне, что никогда не скажешь маме и никому не скажешь, что мы с тобой делаем. Ничего страшного нет… Мы просто берем забытые вещи, только и всего. Это наш с тобой секрет. Обещаешь?

Я терпеть не могу, когда папа мне врет. Чтобы он замолчал, достаю со дна чемодана плоский сверток, разрываю бумагу. «В тумане Милана», книга Бруно Мунари. Я открываю ее. Страницы покрыты калькой, их не разлепить. Все серое — и вдруг начинается цирк. Каждая страница цветная и в дырах. Я сажусь в кресло, хочу почитать.

Илария очень расстроена что не смогла с тобой поговорить ТЧК Перезвоню завтра ТЧК В обед ТЧК Твой муж

* * *

Посещения вокзалов стали частью нашей жизни, в ней появился смысл. Схема, которую преподнес нам на серебряном блюдечке незнакомец из Триеста, всегда работает. Папа азартный игрок. У окошка бюро находок он, каждый раз поражая меня своей непринужденностью, спрашивает часы, браслеты, ожерелья. Служащие, захлебываясь в потоке его слов, протягивают

коробки. Папа выбирает, что он «потерял». Grazie mille[19].

В машине он удовлетворенно насвистывает и щиплет меня за щеку.

У тебя болезнь такая — гоняться за потерянными вещами?

Нам нужны деньги, это главное, моя принцесса.

Он говорит, что благодаря моему ангельскому личику все идет как по маслу. А я рада доставить ему удовольствие. Все лучше, чем разъезжать наобум из города в город. Теперь куда интереснее, у нас есть дело.

Милан, центральный вокзал, Бергамо. А Ливорно? А Сиена?

Мы там уже были?

Я веду список вокзалов и еще один список — выдуманных имен, которые папа вписывает в бланки в окошке. Карло Мичилли. Джулио Гроцци. Марко Бевилакка. Каждый день за завтраком мы читаем газету. Я беру настоящие имена и переставляю буквы, чтобы получились новые, а папа одобряет их или поправляет. Когда мы

---

[19] Примечания: 19
Большое спасибо (*ит.*).

приходим к согласию, я заношу их в тетрадь, стараясь писать без орфографических ошибок. Он этого терпеть не может. В прошлый раз накричал на меня из-за удвоенной «п». Мне было стыдно.

С тех пор как мы ночуем в трехзвездочных отелях, я начала коллекционировать фирменные мыльца.

* * *

Ей некогда разговаривать, она повесила трубку.

Но я же махала тебе рукой, чтобы ты дал ее мне, так нечестно.

Если бы ты не говорил так долго, ей хватило бы времени для меня.

В следующий раз, обещаю.

* * *

Он нервничает.

Он сердится.

Он становится злым.

Вот уже несколько недель папа выходит из себя по пустякам. Он говорит, что не выносит зиму, что ему не хватает света. Бывает, до того

разбушуется, что я вижу, как шары для петанка летают над моей головой. Я дрожу, затыкаю уши.

На днях он назвал меня именем мамы, Антонией.

Теперь я долго думаю, прежде чем открыть рот. Начиная фразу, внимательно смотрю на него и, если вижу хоть малейший признак раздражения, умолкаю.

Отвечай, когда я с тобой разговариваю.

Я кусаю губы.

Я говорю папе, что хочу остаться здесь. Ладно, но ни шагу отсюда. Я приду за тобой, как только сделаю дело. В главном зале вокзала Пизы люди толпятся под табло с расписанием. Что? Что там написано? Откуда отправляется поезд на Милан? Мой поезд опаздывает? Все кутаются в пальто и шарфы, толпа нервно колышется. Я протискиваюсь в этой сутолоке, задираю голову и жду появления белых букв. Клак, клак, они падают, вращаются, на миг замирают, сложившись в непонятные слова, и снова крутятся с треском. Да что такое? Ничего не понимаю.

Scusa![20] Какой-то мужчина толкает меня. Я

---

[20] Примечания: 20
Извините! (*ит.*)

оборачиваюсь. Какая-то женщина кричит: быстрее! Она тащит за руку маленького мальчика, тот хнычет. Я улыбаюсь ему, а он показывает мне язык. Я прыскаю со смеху.

В воздухе стоит запах металла.

Il treno proveniente da Firenze Santa Maria Novella e diretto a Livorno Centrale, delle ore 12:45, è in arrive al binario 9. Attenzione treno in transito al binario 4[21].

Я смотрю на черные дыры на табло и вспоминаю Мауро.

Мауро и его рот, полный черных дыр.

Мы играли в шашки в битком набитом бистро. Это был порт Ливорно. Я помню витающий в воздухе приятный запах выпечки, сырость, официантку в повязанном на бедрах фартуке, с дымящимися подносами. Она выгибалась, лавируя между стульями, с которых свисали толстые куртки. Горячо, горячо! А потом кто-то крикнул: пора! Все рабочие вскочили, кроме Мауро. Он остался сидеть. Сварщик-трубопроводчик на пенсии, сказал он, протянув мне свою большую

[21] Примечания: 21

Прямой поезд из Флоренции, Санта-Мария Новелла, до Ливорно, Центральный, прибывает в 12:45 на платформу 9. Внимание, проходящий поезд на платформе 4 (*ит.*).

руку, и мы начали партию.

У Мауро зияла во рту большая черная дыра. Не хватало передних зубов. Я их потерял из-за асбеста. И если хочешь, чтобы я тебя слышал, говори погромче. Оглох я на заводе, на оба уха. Я наклонилась через стол и спросила, почему он не пойдет к дантисту. Мама всегда говорит, что зубы — это очень важно, их надо беречь. У меня нет денег. Он усмехнулся и добавил даже с гордостью: ай, но, знаешь… Я ведь не жертва! Я такая заноза! Та еще заноза в заднице! Он показал на стену, на красные плакаты с большими белыми буквами. Рабочее движение. Классовая борьба.

Вставал Мауро осторожно, кряхтя. Я насквозь проржавел.

Он был высокий, его кожаная куртка вся потертая, руки в пятнышках. Но больше всего мне запомнился взгляд его лукавых глаз. Они были черные, под густыми бровями, низкими, до самых уголков.

Я та еще заноза в заднице!

Мауро. Я до сих пор слышу его заливистый смех.

Глядя на табло с расписанием, я невольно думаю, что оно тоже бунтует, не хочет слушаться. «Непослушание». Это слово падает в меня кам-

нем. Пробивает до основания. Что-то рушится, что-то бродит во мне. Я тоже, если захочу, могу придумывать слова, как это табло.

* * *

Папина непринужденность производит обратный эффект в скупках золота и ломбардах. Не знаю почему, но с этими людьми он разговаривать совсем не умеет. Даже голос звучит фальшиво. Надо сказать, они подозрительны, выглядят так же мрачно, как и выставленные в их витринах вещи. Гм, гм. Дайте-ка глянуть. Их резкие жесты, когда они берут в руки украшения, пресекают на корню папино красноречие. Вставляется в глаз лупа, еще минута — и цена брошена на прилавок, совсем не та, что ожидалась. Не хотите, как хотите. Папа колеблется, вяло протестует. Ладно, так и быть. И тут наступает момент главной лжи. Он должен сказать, что забыл дома удостоверение личности. Вы можете поверить мне на слово, или я принесу его завтра… Иногда это срабатывает. С усталым видом скупщики золота отсчитывают одну за другой банкноты из пачки, улыбаясь уголком рта. Папа кладет деньги в карман и холодно прощается.

Почему эти людишки так на меня смотрят, кем

они себя возомнили? Может, думают, что я вор? Или дурак?

Когда мы уезжаем, папа в скверном настроении. Он всегда берет меня с собой, но мне тоже не нравится, как эти люди на нас смотрят.

Мы уже не едем в Рим?

Нет.

А куда же?

К одному другу, Джузеппе. Это недалеко от Рима, в Тоскане. Вот увидишь, он и его жена Лоредана очень славные, и у них две дочки, твои ровесницы. Но ты обещал сводить меня в Колизей.

В другой раз.

Ты обещал показать мне «Уста истины».

Ты обещал угостить меня гранитой на берегу Тибра.

В другой раз, в другой раз, в другой раз.

* * *

Выпуск новостей от 19 декабря 1980-го. Диктор торжественным тоном:

«Красные бригады вечером восемнадцатого декабря распространили в Риме третье коммюнике после похищения судьи Джованни д'Урсо

двенадцатого декабря. В этом тексте, как и в двух предшествующих, террористическая группировка изобличает систему особых тюрем, и в частности „Азинара“, но еще не выдвигает определенных условий освобождения чиновника».

Что такое «Азинара»? Тюрьма на Сардинии. «Бог создал ад и, оставшись недоволен собой, создал „Азинару“» — так о ней говорят. Туда сажают террористов и мафиози. Эти люди живут в крошечных камерах, где есть только привинченная к полу кровать, ни окон, ни стола, ничего. Но они такие ловкачи, знаешь, всегда найдут способ поговорить друг с другом. Папа смеется, и я вздрагиваю. Тебе холодно? Включить отопление?

Я вспоминаю последнее Рождество, которое мы провели все вместе.

Папа с мамой весь вечер ссорились, и мама решила, что нам надо проветриться. Мы вышли на улицу в полной темноте. А когда вернулись, папа запер дверь изнутри на задвижку и не хотел нам открывать.

Он кричал. Мы с мамой долго шли и никак не могли найти телефонную кабину. Надо было позвонить в полицию. Мама все повторяла: зачем, ну зачем он меня к этому вынуждает?

Потом пришли двое высоких мужчин в темно-синей форме. Они выломали дверь и взяли папу с двух сторон под руки.

Он вырывался. И тогда полицейские пустили в ход дубинки.

Как же они его били!

Я стояла за дверью и не могла шевельнуться. Папа умолял меня: скажи им, скажи, что я вас не обижал. Скажи им, что я твой папа!

А потом двери лифта закрылись.

* * *

Дорога извилистая, и под колесами много камней. Фары мечутся в разные стороны, взлетает пыль. Папа глушит мотор перед длинным низким домом, похожим на большой корабль. На диво теплый вечер для двадцать второго декабря, говорит папа.

Пахнет землей, камнем, темнотой. Мне тревожно. Все будет хорошо, вот увидишь… У них чудесные девочки. Дверь открывается, на пороге стоит женщина с длинными волосами, она обращается к нам. Вот и вы, наконец-то! Входите, входите. Джузеп-п-п-п-пе, ты идешь? Подталкивая рукой в спину, Лоредана ведет меня на кухню.

Что вы будете пить? Лючия!!! Мария!!! Илария приехала!

Давай, давай, поднимайся! Они тебя ждут.

В дверях спальни я вижу Лючию и Марию. Их лица размалеваны, как у клоунов, глаза блестят от возбуждения. Заходи! Заходи! Мы приготовили представление для тебя. Они скрываются за круглым окошком, а я тем временем осматриваюсь. В комнате ужасный беспорядок: разбросанные игрушки, куклы, одежда, носки, цветные карандаши, детали пазла.

Марию и Лючию так разбирает смех, что им три раза приходится начинать свой номер заново. Я аплодирую. Мы опять смеемся, потом они делают мне макияж, прическу, и вот уже я одета в разноцветный костюм. Ты будешь… маркизой!

В гостях у Руссио мы совсем далеко от серости автострады. Дом окружен деревьями, высокие сосны защищают его со всех сторон. Всюду стекло, мы живем в прозрачном пузыре, легком, цветном.

Лоредана и Джузеппе все время говорят друг другу amore[22]. Amore то, amore сё.

---

[22] Примечания: 22
Любимый (*um.*).

Утром нам разрешают долго спать и делать что хочется. Мы наедаемся до отвала за завтраком, а потом все рассаживаемся на диванах в гостиной и обсуждаем планы на день. Папа крепко прижимает меня к себе. Он выглядит счастливым, полным энергии. Они с Джузеппе подолгу разговаривают в его кабинете. Но еще папа успевает водить нас на прогулки, кататься с нами на велосипеде. Это он придумал построить домик на дереве. Папа выпиливает, приколачивает, вешает занавески. Я горжусь им.

* * *

Последние солнечные лучи высвечивают очертания деревьев в саду. Тени удлиняются, и это лучшее время для игры в прятки. Упираясь локтем в дерево, Лючия считает, а Мария бежит и прячется за толстым стволом. Я сижу на корточках за изгородью, низко опустив голову, уткнувшись носом в колени. Мне не хочется бегать, я играю с веточкой. Что делают сегодня вечером Ана и мама? Купила ли мама большую елку? Закрылась ли надолго в кухне, чтобы приготовить на десерт Монблан? Я сжимаю кулаки, только не плакать, только не плакать. Я повторяю себе это тысячу раз и вспоминаю сегодняшнее

утро. Мы шли на пляж, и Мария объясняла мне, что Джузеппе придумал ритуал на двадцать четвертое декабря. Надо встать лицом к морю, взяться за руки и загадать желание. Молча, это очень важно. Папа говорит, что тогда наступающий год будет лучше… Вот увидишь, папа никогда не обманывает.

* * *

Пришла Лоредана, она обещала сделать нам прически перед ужином. У обеих сестер длинные белокурые волосы, они вьются и как будто светятся. Я сижу на полу с книгой и не могу отвести глаз от рук Лоредаы. Она осторожно расчесывает волосы дочерей жесткой щеткой, крепко зажимает пальцами пряди, распутывая колтуны на кончиках, а потом размашисто водит щеткой по всей длине. Как будто ласкает.

Заплести тебе, как всегда, две косы и уложить их короной? Лючия кивает.

У Лоредаы ловкие пальцы. Всего за несколько минут она заплела две идеальные косы от висков, скрестила их на затылке и соединила надо лбом. Очень красиво.

* * *

Nessun dorma! Nessun dorma! Tu pure, oh Principessa. Nella tua fredda stanza. Guardi le stelle che tremano d'amore. E di speranza[23].

Папа крутит руль и поет нарочно низким тембром. Еще и жестикулирует театрально. С тех пор как мы уехали от Руссио, он в превосходном настроении.

Остановимся. У нас бензин на нуле. Заодно позвоню маме. Ты подождешь меня в баре?

Ладно.

Сидя на высоком табурете, я думаю про вчерашний ужин и красивый альбом для рисования, который подарил мне Джузеппе. На первой странице он написал: «Самой хорошей девочке в мире», а внизу свой номер телефона и нарисовал под ним сердечко. За ужином было весело, хоть у меня и щипало в горле, особенно когда папа посмотрел на меня грустными глазами и ущипнул за щеку. Он ничего не сказал, но мы подумали об

---

[23] Примечания: 23

Строчки из арии принца Калафа из оперы Пуччини «Турандот»: «Никто не спит! Никто не спит! И ты тоже, о принцесса. В своей холодной комнате. Ты смотришь на звезды, дрожащие от любви. И от надежды» (*ит.*).

одном и том же, я точно знаю.

Папа возвращается. Мама сказала, что не будет больше со мной говорить. И что, если я хочу ей что-то сказать, мне надо связаться с ее адвокатом. Она говорила как автомат, как пишущая машинка. Будто я ей чужой.

Его рука вся во вздутых венах.

* * *

Илария хотела пожелать вам счастливого Рождества ТЧК

* * *

В Риме мы живем в красивом отеле с увитым плющом фасадом, в двух шагах от Пьяцца Навона. Не сравнить с гостиницами в маленьких городках. И здесь даже есть прислуга. Когда мы приехали, один мальчик в форме припарковал нашу машину, а другой занес чемоданы. Наш номер двадцать четыре, на третьем этаже. Я кручусь между кроватями, зарываюсь пальцами ног в толстый ковер, заглядываю в ванную, нюхаю мыльце, смотрюсь в зеркало, подхожу ближе. У меня другое лицо. Что изменилось?

И тут к горлу подступают рыдания. Тяжесть наваливается на грудь. Andiamo a fare un giro[24].

Из города где мы зачали нашу дочь ТЧК Ту которую ты потеряла в обмен на свою свободу ТЧК И никакой другой настоящей любви ТЧК Что я чувствую ты знаешь ТЧК До скорого ТЧК Твой муж

* * *

Он сказал, что осматривать Рим лучше всего на «Веспе». Я вижу, как он изо всех сил старается выглядеть довольным, оживленно тараторит всякий раз, когда мы проезжаем мимо какого-нибудь памятника. Вот «Пишущая машинка»[25]. А это замок Сант-Анджело. Не забыть бы еще… Так-так-так, Ватикан. Мы три или даже четыре раза объехали на полной скорости Колизей и мчимся на Пьяцца-дель-Парадизо поесть мороженого. Когда мы сдаем прокатную «Веспу», папа выглядит усталым.

---

[24] Примечания: 24

Пойдем прогуляемся (*ит.*).

[25] Примечания: 25

«Пишущая машинка» — одно из насмешливых прозвищ монумента, возведенного в честь короля Виктора Эмануила II в Риме, на Пьяцца Венеция, данное ему из-за его массивной белой конструкции, напоминающей огромную пишущую машинку, свадебный торт или открытый рояль.

На! Он протягивает мне деньги. Иди купи газету. Когда я возвращаюсь, он лежит в темноте.

Что сегодня по телевизору? Я разворачиваю газету, ищу что-нибудь, что могло бы его заинтересовать. C'ero una volta Hollywood[26], по Первому каналу. Тут написано, что это нарезка лучших отрывков из мюзиклов. Будут Фред Астер, Лайза Минелли, Фрэнк Синатра, Джин Келли… и еще куча имен. Тебе нравится? Да. Да. Это может быть неплохо.

Через два дня Новый год.

Папа поворачивается на бок и не говорит больше ни слова.

* * *

В Tre Scalini[27] мы теперь едим. Когда подвозят тележку с десертами, я выбираю, что хочу, папа разрешает. Шоколадный мусс, тарталетки с лесными ягодами, crostata di mele[28]. Потом мы идем пешком до виллы Боргезе. Папа каждый раз

---

[26] Примечания: 26
«Однажды в Голливуде» (*ит.*).

[27] Примечания: 27
«Три ступеньки» (*ит.*).

[28] Примечания: 28
Яблочный пирог (*ит.*).

хочет увидеть скульптуру Бернини «Аполлон и Дафна». Насмотреться на нее не может. Только мастеру под силу, говорит он, высечь из мрамора листья, чтобы они были такими живыми, такими нежными. Он подходит ближе, пятится. Видишь, Дафна превращается в дерево. Если бы она не пыталась убежать от Аполлона, этого не случилось бы.

Папа отпускает меня гулять одну. На час, не больше. Я всегда хожу на Виа-деи-Коронари. Здесь мало машин, можно идти посреди улицы и постоять у магазина, где продают моющие средства. Там пахнет домом.

* * *

На, держи. Папа пришел с ресепшена. Держи. Это мама тебе прислала. Я всматриваюсь в почерк на упаковке и не узнаю его. Она отправила это бабушке, а та переслала сюда. Я нетерпеливо рву картон. На пол падают шоколадные яйца. Внизу белая коробка с тюбиками краски, кисточка и блок бумаги для рисования. Я узнаю красный логотип магазина «Каран д'Аш».

Витрина вокзала Корнавен в Женеве.

Каждый раз, проходя мимо, мы с мамой и Аной

останавливались посмотреть на плюшевые игрушки, которые смешно двигались с цветными карандашами в руках. Папа ухмыляется. Во всяком случае, тебе будет чем рисовать. Вот и займись. Я вернусь через пару часов.

Я не слышала, как он ушел, как закрылась дверь номера. По щекам текут слезы. Мама не забыла меня. Я принюхиваюсь к пакету. Вижу, как ее руки кладут туда все эти шоколадки. Я решаю их собрать. На четвереньках, утопая в густом ворсе ковра, я нашариваю скомканный клочок белой бумаги.

«Илария. Очень прошу тебя, позвони мне и скажи, где ты. Чтобы позвонить, ты должна набрать все эти цифры. (Много цифр.)

Я люблю тебя и очень грущу, что так давно тебя не видела. Позвони мне, когда никого не будет рядом или когда папа крепко уснет. Целую тебя. Твоя мама».

Рука дрожит. Глаза телефона уставились на меня. Голос телефонистки отеля просит оставаться на линии. Сердце сильно колотится. Мамин голос уже близко.

«Извините, номер не отвечает».

* * *

Наша комната стала дырой во времени. Мы больше никуда не выходим. Папа перестал спать, он ворочается с боку на бок в постели, зажигает свет, разговаривает сам с собой, кричит, а мне запрещает ему отвечать. Если ты скажешь хоть слово, хоть одно слово… Он шипит это сквозь зубы. Много курит. В комнате нечем дышать.

Я прижимаю к себе Бирилло и укрываю нас с головой. С тех пор как я попыталась позвонить маме, а телефонистка меня выдала, папа много пьет и косится на меня подозрительно. Он говорит, что я предательница, что он мне больше не доверяет. Что я вся в мать.

В наказание он однажды вечером унес мамину посылку и вернулся с бутылкой виски. Я отдал шоколадки и коробку с красками бармену отеля. Так-то, будешь знать. У него двое детей. Представляешь, как они обрадуются? Он смотрит на меня с вызовом. Ты хочешь поговорить с мамой, да? Хочешь? Он снимает трубку.

Centralino[29], дайте мне ноль ноль сорок один.

---

[29] Примечания: 29
Коммутатор (*ит.*).

И дальше еще много цифр.

Папа протягивает мне трубку.

Тишина.

Алло?

Я слышу мамин голос. В голове все путается. Я не могу выдавить из себя ни слова.

Ты ничего ей не скажешь?

Я с усилием выговариваю «мама».

Илария! Как ты? Где ты? Ты получила мою посылку?

Да. Спасибо.

Ты сможешь нарисовать для меня картинки…

Да.

Где ты?

Папа низко наклонился надо мной, он хочет все слышать.

Не отвечай ей!

Я хочу отстраниться, но он крепко держит меня за плечи.

Ну, ты ей скажешь?

Что?

То, что сказала мне.

Что?

Что ты ее ненавидишь.

Кого?

Маму. Скажи ей, что ты ее ненавидишь.

У папы грозный вид. Я перестаю дышать.

* * *

На той неделе ты пойдешь в интернат.

Как?

Ты же не хочешь вырасти неучем?

Но…

Никаких «но». Все дети ходят в школу, и завтра мы пойдем покупать тебе форму.

Сегодня четырнадцатое января, день рождения Аны. Папа про него забыл. И сегодня же он ведет меня в интернат. Солнце припекает вовсю.

Мы стоим у двери, ждем, когда нам откроет дежурная монахиня. Пальцы на ногах мерзнут и так упираются в мокасины, что совсем онемели. Вот увидишь, пройдет время, и будет лучше, сказал мне папа, разносятся твои туфли. И прекрати шмыгать носом. Я же дал тебе платок, где он? Мои пальцы в кармане комкают ткань. Папа щиплет меня за щеку. Вот увидишь, все будет хорошо. Ты заведешь кучу новых подружек, только не забывай говорить спасибо и, главное, учись хорошенько.

Папа звонит несколько раз, и я надеюсь, что дверь никогда не откроется.

* * *

Дортуар. Подъем в половине седьмого. Расправить простыню, взбить подушку, сложить одеяло в изножье кровати. Умыться, одеться, прошагать по коридору, спуститься по лестнице в часовню, успеть к мессе ровно в семь пятнадцать. Давя зевоту, преклонить колени. Аве Мария. Молча пройти в столовую. Печенье, чай, убрать со стола, вытереть его тряпкой. Класс. Урок начинается в восемь сорок пять. Сиди прямо, поднимай руку. Окно, черная доска, окно. По небу плывут облака, похожие на цветную капусту. Перемена. Молитва перед обедом. Снова класс. Коридоры, коридоры, столовая, коридоры, дортуар. День заканчивается сухим «спокойной ночи».

Мою новую подругу зовут Клаудия, и, когда сестра гасит верхний свет, мы шепчемся. Она много рассказывает про старших братьев, про свою комнату дома, про бабушку, про всю свою семью. А я не могу вспомнить, какого цвета глаза у мамы. Голубые? Ореховые? Клаудия здесь уже три года. Мои родители не хотят лишней обузы,

они столько разъезжают, что им некогда мной заниматься, так они говорят. Твои тоже? Мы больше не расстаемся. Когда идет дождь, стоим под навесом и смотрим, как падают капли в лужи во дворе. Нам нравится запах дождя, а главное, не хочется идти в библиотеку, где сестра Мария точит карандаши для раскрасок с Богородицей и Младенцем Иисусом. Она говорит, что полезно учиться держаться в рамках. Мы с Клаудией терпеть не можем раскраски.

Перед тем как уснуть, я нюхаю папин носовой платок и разворачиваю мамину записку, которую спрятала в дырочке на шее Бирилло, там, где порвался мех.

* * *

Я очень отстала и, пока моим одноклассницам дают уроки фортепиано и классического танца, наверстываю пропущенные занятия с сестрой Силианой. Она похожа на персик, розовенькая, кругленькая, с острым подбородком. Вьющиеся волосы с проседью выбиваются из-под покрова и похожи на корону. У тебя все получится, я помогу тебе, но и ты должна стараться. Соберись, Илария! Я повторяю за ней, считаю, вывожу буквы,

делаю все, чтобы она была довольна. Вот видишь! Отлично! С этими словами сестра Силиана кладет свою пухлую руку мне на плечо, подбадривая, и тогда мне очень хочется укрыться в ее объятиях. Хочется сказать ей, что я забываю не нарочно, что слова падают мне в голову, как снежинки, и тают. Нет, нет, я не фантазирую. Но это сильнее меня, я все время думаю, как бы позвонить маме. Я не нарочно, честно. Я бы хотела все ей рассказать. Сказать ей, как я боюсь, что мама меня больше не любит. Так ведь и должно быть, правда? После того, что я ей сказала, она наверняка думает, будто я ее ненавижу. Она не может больше меня любить, правда?

Мне холодно. Я должна сказать маме, что папа заставил меня.

Эта мысль как будто открывает окно, но оно тут же захлопывается.

Если я хоть что-нибудь скажу маме, я опять предам папу.

Кажется, уже седьмую субботу подряд я жду папу в холле, куда приходят родители. Стою, а мимо идут все ученицы, в том числе старшие, которых я обычно вижу только со спины, на мессе. Вместо формы на них коротенькие юбки, макияж, яркие шарфики.

Сестры пытаются связаться с папой. Куда им меня девать? У тебя есть родственники в Риме? Я даю номер Лореданы и Джузеппе. Иногда достаточно получаса, и он уже здесь, приезжает на мотоцикле. От Джузеппе хорошо пахнет.

Я сижу на заднем сиденье, крепко прижимаясь к кожаной куртке и обхватив обеими руками его талию. На булыжных мостовых Рима нас трясет, и я смеюсь. Мне немного страшно, но я держусь, потому что знаю, что скоро увижу Лючию с Марией и забуду обо всем на свете. С ними каждый уик-энд превращается в праздник. Мы объедаемся мороженым, катаемся на велосипедах, устраиваем представления.

Когда Джузеппе не может за мной приехать, а папа не подходит к телефону, дни в интернате тянутся бесконечно. Я жду Клаудию в библиотеке, рисую, склеиваю книжечки из исписанных листов бумаги и засовываю их между настоящими книгами на полках. Потом снова настает понедельник. Клаудия рассказывает мне, как провела уик-энд дома, а я слушаю ее и вспоминаю слова священника, он говорит, что зависть — большой грех.

Взять тазик, налить в него теплой воды, замо-

чить свои вещички и не забыть потереть мылом воротники и манжеты. Хорошенько прополоскать. Сестра Силиана сказала, что иначе моя одежда вся пожелтеет, когда высохнет.

Мы поднимаемся на террасу, чтобы развесить вещи. Пластмассовые прищепки плавятся от солнца, некоторые сломаны. Сестра Силиана не сердится. Она вообще никогда не сердится.

Когда все развешено, сестра Силиана помогает мне залезть на каменную ограду. Сверху видны террасы Рима. На них много зелени. Как будто это большой сад.

Сестра Силиана показывает пальцем на здания, купола, колокольни. Она знает названия всех церквей.

«Вон там Колизей, видишь?»

* * *

Я долго-долго всматриваюсь в открытую дверь на улицу и наконец иду показаться сестрам. На этот раз я плачу, и сестра Силиана ведет меня в кабинет настоятельницы. Вместе они звонят папе. Без толку. У тебя сегодня день рождения, да? Надо придумать что-нибудь особенное! Сестра Силиана предлагает пойти в луна-парк. Что скажешь?

Настоятельница почему-то недовольна.

Только возвращайтесь к ужину, mi raccomando[30]. Она протягивает сестре Силиане ключи.

Да, матушка.

Сестра Силиана садится за руль и хмурит брови. Я не боюсь, но, должна признаться, мне нечасто приходится водить машину. Да, водит она не так уверенно, как папа, это точно. Ты уже была в луна-парке? Mi raccomando, давай только не теряться.

Кружатся аттракционы, грохочет музыка. Бим-бам-бом! Выиграйте скорпиона в бутылке! Тир, стрельба из карабина! Крупные выигрыши!

Хочешь? Хочешь попробовать? Нет.

Потом мы покупаем жареный миндаль в сахаре и смотрим, как люди катаются на сталкивающихся автомобильчиках. Все это веселье тяготит меня, хочется уйти отсюда. Но я молчу. Сестра Силиана из кожи вон лезет, чтобы я хоть улыбнулась. А не покататься ли нам на русских горках? Ну-ка! Идем! Нельзя же уйти отсюда, не прокатившись хоть на одном аттракционе, правда?

---

[30] Примечания: 30
Здесь: пожалуйста (ит.).

Наша красная машинка взбирается все выше, выше, выше, скользит на рельсах и падает почти отвесно. Скрежещет, вибрирует металл. Как это мы еще не вылетели? У-у-ух. У-у-ух. А-а-ах. Мы хохочем, кричим во все горло. Еще, еще, еще. Как же мне хорошо. Снова вниз. О боже мой! Голос сестры Силианы выдает ее страх. Я прижимаюсь к ней. Она стискивает мою руку и не выпускает ее, пока мы не сходим на землю, еле держась на ногах. Мне стало легче, овевает прохладой, я дышу полной грудью. Давивший в ней ком рассосался.

Апрельское небо синее-синее. Я в интернате уже три месяца, и папа не пришел отпраздновать мои девять лет.

* * *

Завтра опять суббота. Я знаю, что снова придется ждать папу, и мне хочется бежать куда глаза глядят. А что, если я позвоню маме, скажу ей, пусть приедет за мной? Эта мысль как ведро холодной воды на голову. Она словно разбудила меня, наполнила радостью. Я покину этот интернат и больше никогда сюда не вернусь. Я буду с мамой.

Уставившись в потолок, я быстро-быстро раз-

мышляю. Слышу рядом ровное дыхание Клаудии. Она спит. Надо действовать сейчас.

Я встаю с кровати, сворачиваю подушку, накрываю ее одеялом и на цыпочках спускаюсь по лестнице. Дверь внутреннего дворика скрипнула. Тихо. Ничего. Сад залит голубоватым светом. Я бегу к каменной ограде. Будь со мной Клаудия, мы бы сейчас посмеялись. Жаль, что я не попрощалась с ней. Мои пальцы ищут щели между камнями. Подтянуться на руках, упереться ногами. А как же сестра Силиана? Что она подумает? Я спрыгиваю на улицу. Клаудия сказала мне однажды, что, когда ей страшно, она говорит сама с собой вслух. Это всегда помогает, честное слово. Что там за шум? Ничего, иди, не оборачивайся. К Колизею. Это далеко, не так уж далеко, давай, шагай. Там ты найдешь телефонную кабину и позвонишь маме. Какой у нее номер? 320 45, нет, 342 65. Вспомню в кабине. Я останавливаюсь. Бирилло-то забыла! У него в шее мамин номер. Иди. Ты не можешь туда вернуться. Дойди до следующего фонаря, не смотри на машины, шагай, не отвечай, что они говорят? Мамин голос там, в Колизее. Еще немного, иди же.

Сестры забрали меня назавтра, после полудня. Женщина, которая меня нашла, позвонила им. Я

в одной пижаме уснула в телефонной кабине.

Исключена.

* * *

Tu mi fai girar', tu mi fai girar' come fossi una bambola. Poi mi butti giù, poi mi butti giù come fossi una bambola[31].

Папа выключает радио. Ты идешь со мной или подождешь в машине?

Я иду. Мы в Неаполе. Папа толкает дверь табачной лавки с пыльной витриной, увитой искусственными цветами и разноцветными гирляндами. Внутри сидит за стойкой женщина с высокой прической и читает фотороман. Sono Romantica[32]. Чем могу вам помочь? Ее челюсти ходят ходуном, пережевывая резинку. Женщина явно раздражена. У нее фиолетовые веки, глаза подведены черным.

Я от Цезаря.

«Цезарь» — волшебное слово. Женщина закури-

---

[31] Примечания: 31

Строки из песни Патти Право «Кукла»: «Ты кружишь меня, ты кружишь меня, как будто я кукла. / А потом ты бросаешь меня, а потом ты бросаешь меня, как будто я кукла» (*ит.*).

[32] Примечания: 32

«Я романтична» (*ит.*).

вает длинную ментоловую сигарету, окидывает нас взглядом с ног до головы. Молчит, тянет время. Вдруг выпускает дым из ноздрей, как бык на арене. Ладно, пошли. Пройди за стойку.

Папа возвращается, улыбаясь уголком рта. Он подмигивает мне: продал все драгоценности.

Мы переночуем сегодня здесь. Ложись сзади. Он укрывает меня своим пальто, сам садится впереди на пассажирское сиденье, а ноги вытягивает на водительском. В эту ночь я часто просыпаюсь, мне снятся кошмары. Я смотрю на фонари до боли в глазах. Утром меня будят солнечные лучи. Я замерзла, в воздухе сыро, стекла покрыты капельками. Папа спит. Воздух какой-то липкий, и я выбираюсь из машины. Хожу по парковке, жду, когда он проснется. Нахожу металлическую перекладину, делаю подвешенную свинью, кружу между грузовиками, потом прислоняюсь к ограде заправки. Вдали крестьяне распахивают поле, от него поднимается туман. Как будто земля дымится. Я перелезаю через ограду, с трудом иду, обходя кочки и спотыкаясь, вздрагиваю от холода, медлю, возвращаюсь назад. Сердце колотится.

Когда я подхожу к машине, мои ботинки облеплены грязью, ноги отяжелели.

Папа будет сердиться.

* * *

5 мая. Проездом в городе куда ты приехала ко мне пятнадцать лет назад в этот самый день ТЧК С любовью навсегда ТЧК С бесконечной тоской ТЧК Не важно что злоба одолела нашу неповторимую любовь ТЧК Твой муж

Развязки папа объезжает по кругу раз, второй, третий. Потом решается. Доказывает, что нам не надо налево, объясняет, почему направо. Он рассматривает то виды, то лица обгоняющих его «придурков». Пьет. Глоток здесь, глоток там. Не расстается больше с бутылкой, даже когда за рулем. Мы в Калабрии и подъезжаем к Мессинскому проливу. Вот увидишь, дорога на Палермо очень красивая. Она идет вдоль моря. Завтра к обеду мы будем у бабушки. Ты рада?

От виражей на горной дороге меня тошнит. Потом я засыпаю.

Прошло несколько часов, стемнело. Я лежу ничком. Мне холодно, голова тяжелая. Медленно поворачиваюсь на бок. Смутно различаю пучки травы вдоль дороги, а лицом чувствую что-то шершавое и липкое. Небо усыпано звездами. Я

пробую встать, не могу, пытаюсь снова. У меня все болит. Сгибаю руку, сильно толкаюсь плечом, и моя верхняя половина наконец отлипает от асфальта. Сдавленный голос откуда-то зовет меня. Я ищу его в потемках, кручу головой. Вижу машину ниже, больше похожую теперь на смятую консервную банку. Она лежит крышей вниз. Ветровое стекло разбито. Папа кричит. Помоги мне, я не могу выбраться. Ноги зажало, и бензин течет, боюсь, машина может взорваться. Быстрее.

Я пытаюсь открыть дверцу, никак. Тяну папу за руку. Он не сдвигается ни на сантиметр. Попробуй еще. Я выбиваюсь из сил, а изнутри меня разрывает все, что я хочу ему сказать, моя злость, мое желание всегда быть с ним, даже в машине, даже взаперти в гостиничном номере, даже с его чертовой бутылкой виски.

* * *

Ты вылетела через ветровое стекло, объясняет мне доктор. Как тебя зовут? А где папа? Твой папа в порядке. С ним сейчас полиция. Не беспокойся, я тобой займусь. Он дезинфицирует ссадины на моей руке, на ноге, на лице. А теперь зашьем тебе ухо. Ты же храбрая девочка, да? Игла в руку, маска на лицо, и он осторожно поворачивает

мою голову набок. Я цепляюсь за пальцы медбрата, сжимаю их так крепко, как только могу. Семнадцать, восемнадцать… двадцать. Вот и все. Я закончил. Только лежи смирно.

Просыпаюсь я оттого, что хочется пить. Я в большой комнате. Что со мной? Папа держит меня за руку. Как ты себя чувствуешь, моя принцесса?

Я смотрю на него, и мои веки опускаются. Меня затягивает сон. Я в тепле с мамой. Мы сидим на корточках у рождественской елки и распутываем гирлянды. Я узнаю обстановку нашего дома. Узнаю узор «бута» на ковре, картины на стенах. Потом начинается другой сон: мама удобно сидит в шезлонге, на солнце в саду. Я подхожу, забираюсь к ней на колени и прижимаюсь к ее груди. Меня окутывает ее запах, ее руки, у нее такая мягкая кожа. Мама гладит мои волосы, отводит со лба тяжелую челку. Какие легкие у нее пальцы. Солнце греет нас. Оно нас склеило.

Поезжайте к морю. Вам нужен отдых. Ваша дочь еще не отошла от шока. Когда мы уходили из больницы, доктор дал папе бумажку с адресом маленького пансиона. Это в Шилле. Я звонил туда, вас ждут.

Мы приезжаем под вечер на автобусе, с одним

чемоданом. Машина пошла на лом. Я едва успела забрать несколько вещей. И Бирилло. Но его надо помыть, он пахнет бензином. А все наши кассеты расплавились.

Папа злится.

Сколько мы здесь пробудем? Сколько понадобится, чтобы ты поправилась. После аварии папин голос звучит на одной ноте. Каждое утро он промывает мне ссадины, меняет повязки и насильно кормит обедом два раза в день. Мне совсем не хочется есть. Ты должна хорошо питаться, так сказал доктор. Если хочешь набраться сил, ешь.

От аварии у меня в памяти остались размытые картины и вспышки — оранжевые, красные, зеленые. Ощущение опасности не проходит, особенно ночью, в темноте. Я сплю с папой, держу его за руку. Он все разрешает, даже конфеты.

Городок Шилла стоит на вершине отвесной скалы над морем. Каждый день мы ходим на пляж мимо ряда белых лавок, на которых сидят рыбаки с морщинистыми лицами и мутными от катаракты глазами. Buongiorno[33]. Старики кивают. Они, кажется, ничего не видят. Ждут,

[33] Примечания: 33
Добрый день (*um.*).

уставившись на горизонт, совершенно невозмутимые, и не выпускают из рук концы удочек, пристроенных между ног.

* * *

Прошло две недели. Две недели ничего не меняется, рыбаки конопатят лодки и чинят сети, а песок все впитывает и впитывает пену. Из-за повязок я не могу плавать и часами собираю ракушки. Я ношу их в платье, задрав подол до бедер. Когда он наполняется, высыпаю все и начинаю собирать новую коллекцию: отполированные водой деревяшки и кусочки стекла.

Папа смотрит на море. Иногда я сажусь рядом, и мы смотрим вместе. Ветер вздымает клочья пены, гоняет их по воздуху. Папа говорит, что я выросла. Стала голенастой, мои коленки — два шара на полпути между ляжками и икрами. Как у розовых фламинго.

Я теперь так и буду тебя звать. Мой розовый фламинго.

Папа старается быть добрым. Когда он снова начнет сердиться? Веры ему нет. Не сегодня, так завтра сорвется. Я знаю, он не забыл, что было в Риме, мое, как он говорит, предательство. С ним

не угадаешь. Одно и то же слово может вызвать у него противоположные реакции. Надо оставаться начеку.

Мне холодно.

Пошли, возвращаемся. Пора идти в «Космо».

В баре мне каждый день разрешается мороженое страччателла, а ему виски. Он любит поболтать с Джио, барменом. Они оба фанаты «Формулы-1». Говорят о моторах, лошадиных силах, сцеплении. Я тем временем читаю газету. Четверг, 28 мая 1981 года. Вследствие покушения на Папу на Пьяцца Сан-Пьетро понтифик на неопределенный срок останется под пристальным наблюдением врачей римской больницы Умберто Первого. В данный момент понтифик чувствует себя лучше, однако у него наблюдаются тревожные признаки переутомления. Следующий бюллетень о состоянии его здоровья ожидается в ближайшее время.

Папа говорит, что мы уедем отсюда через недельку.

* * *

Su di noi, nemmeno una nuvola. Su di noi, l’amore

è una favola. Su di noi, se tu vuoi volare[34]. Ля-ля-ля. Певец прав, на небе ни облачка, но мы не в сказке, а полететь я бы хотела, это да. Жарко, мы застряли в пробке в такси, и ни с места. Мне хочется пить. У других водителей помятые усталые лица. Папа нервничает. Вы не могли бы убавить звук радио? Эта реклама невыносима. Ни слова не говоря, шофер выполняет просьбу. Его рука покрыта черным пушком.

Мы скоро приедем?

Уже почти. Видишь вон там палаццо? В нем живет бабушка, это был твой первый дом. Там ты получила этот шрам на носу.

Я провожу пальцами по белой линии, оставшейся от раны.

* * *

Входная дверь, за ней зеркальные двери, деревянные двери, стеклянные двери.

Прихожая. Папа останавливается, прижимает ухо к еще одной двери, обитой тканью. Улыбается. Она смотрит «Деррика». Это ее любимый сериал. Опустив голову, он смеется в кулак, медлит. Бор-

[34] Примечания: 34

Строки из песни Пупо «Su di noi»: «Над нами нет ни облачка. Над нами любовь — это сказка. Над нами, если ты хочешь, лети» (*ит.*).

мочет себе под нос: бабушка будет недовольна. Ну и ладно.

Он глубоко вдыхает, поднимает руку. Тук-тук-тук. Войдите.

Комната большая, просторная.

Мамма!

Фульвио!

Папа бросается к ней. Бабушка лежит на заваленной газетами широкой кровати. Объятия, смех, множество вопросов. Фотографии, растения, одежда вперемешку на кресле, шарфы, разноцветные ожерелья валяются поверх журналов. Беспорядок неописуемый.

Подойди ко мне, Илария! Подойди, дай посмотреть на тебя хорошенько. Я делаю несколько шагов. Бабушка не спеша рассматривает меня с ног до головы и поворачивается к папе. Дочка — твоя копия, Фульвио, точь-в-точь. Глазам не верю.

Папа протягивает мне руку. Иди сюда, Илария, иди обними бабушку.

Огненно-рыжие волосы.

Щелкает вентилятор, клик-клик.

Инспектор Деррик говорит: «Да, это, должно быть, он».

Папа будет спать в бывшем кабинете дедушки, а я в бабушкином. Такой же кавардак в абрикосовых тонах. Кипы бумаг, целые шаткие башни. Карандаши, цветные фломастеры. Два стола, один из них наклонный. Бабушка, оказывается, архитектор. Вот увидишь, тебе здесь будет хорошо… Есть все, что нужно для рисования. Твой отец сказал мне, ты любишь рисовать, да? И вот, смотри. Она открывает большой шкаф, полный коробок. Я освободила тебе место здесь. Я читаю написанные фломастером даты: 1969, 1970, 1971, 1972. Год моего рождения. Вот видишь! А ванная у нас будет общая. Только одна просьба к тебе, не трогай мои бумаги, Илария, mi raccomando.

* * *

Квартира огромная. Коридор туда, коридор сюда, маленькая комната, средняя, большая гостиная для приемов, столовая, кладовая, кухня. На этот раз мы с папой выходим по узенькому коридору в прихожую. Я уже ориентируюсь на ее мраморный пол в черных и белых шестиугольниках.

Видишь, квартира поделена на две части. С одной стороны спальни, а с другой остальные комнаты. Этот коридор парадный, а тот, справа,

для прислуги. Завтра Вито войдет вон там, через черный ход.

Кто это — Вито?

Гм, Вито служит бабушке. Он занимается всем. Здесь и у нее на работе. Тот еще персонаж! Вот увидишь; он, конечно, болтун, но у него большое сердце. Он работает здесь уже… сорок лет?

Бабушка — настоящий вихрь, она справляется одновременно с работой, партиями в бридж и уикэндами у моря. Где бы она ни была в доме, я хожу за ней хвостом. Ее каблуки цокают по полу в такт ее словам: сегодня-вечером-у-меня-ужин-потом-встреча… Она такая живая, веселая, красивая и всегда спешит. Говорит очень быстро, раскатывает «р» и перескакивает с пятого на десятое, поправляя прядь волос, когда проходит мимо зеркала. Пальцы у нее такие тонкие, что я удивляюсь, как держится большой перстень из прозрачной красной пластмассы, который она носит на безымянном.

Мама сказала бы, что бабушка — женщина с характером.

Каждый день после обеда она уходит отдыхать в свою спальню, и ее категорически запрещено беспокоить. Потом она отправляется на работу, возвращается вечером, переодевается и опять

уходит. Если мы с ней пересекаемся, она быстро чмокает меня в лоб, а потом вытирает его большим пальцем. Губная помада. Она сказала, что отведет меня к парикмахеру и купит одежду, та, которую я ношу, мне уже мала и совсем не идет.

Я перед бабушкой робею.

«Ты где-е-е-е-е-е-е?» — «Я зде-е-е-е-е-есь!» — «Я ухожу!!! Пока-а-а». Да, пока. Хлопает входная дверь, хлопает дверь папиной комнаты. Как будто падают костяшки домино. Воцаряется пустота.

* * *

Больше всего я люблю, когда приходит Вито. Кухня превращается в лабораторию, отовсюду валит пар. У него два часа, чтобы купить продукты, соорудить завтрак, всех накормить и все убрать. Он так суетится, что длинная прядь, прикрывающая лысину, иногда падает. Когда это случилось в первый раз, меня так разобрал смех, просто ужас.

Я помогаю Вито накрыть стол, приготовить тележку с тарелками, хлебом, солью, водой и вином. Он показал мне, как натирать пармезан с помощью электрической машинки. Только осторожно, береги пальцы, mi raccomando. Сам

он тем временем занимается овощами, мясом, все режет, крутится волчком. Говорит он много, очень быстро, и у него странная манера вдруг умолкать на полуслове. Как будто что-то увидел.

Ты не робей перед Донной Л., она, конечно, женщина властная, но, знаешь… Он ищет слова. Во всяком случае, одно могу сказать наверняка: Донну Л. не назовешь степенной вдовой…

Вито рассказывает мне, что все изменилось, когда умер дедушка.

Что — всё?

Всё. Образ жизни Донны Л., мое жалованье, часы работы. У него вырывается вздох. Что поделаешь? Это жизнь. Все меняется. Он пожимает плечами.

Твоего дедушку я помню мягким, утонченным. Очень спокойным. Он был uomo preparato, образованный человек.

Снова вздох. Бедный синьор Фульвио. Он так горевал. Бросил учебу. Все бросил, все. И я не уверен, что твоя бабушка справилась бы одна. Вито поднимает глаза к небу, качает головой. Без синьора Фульвио, нет, нет, не уверен. Твой отец был примерным сыном. И твоя бабушка его обожает. Стоит ему отлучиться, как она только о нем и говорит. Ну, они и ссорятся, бывает, еще как. Но

такие уж у них отношения. Мать и сын… знаешь ли… Он пожимает плечами. Мы долго молчим.

Вито оборачивается, ловит мой взгляд.

Знаешь, одно меня утешает. Твой дедушка не мучился. Просто тихо умер, с чашкой кофе в руке, после обеда. Вито берет в руки тарелку и показывает. Вот так, прямо здесь, в маленькой гостиной. Донна Л. думала, что он просто задремал, но нет, он умер от сердечного приступа, не сказав ни слова, и чашку кофе так и держал в руке. Брови Вито ползут вверх, он качает головой слева направо. Донна Л. держалась очень мужественно, она справилась с кучей проблем и принялась за работу без единой жалобы. Для женщины ее положения это было все равно что совершить революцию. Ты понимаешь, Илария?

Дедушка был адвокатом?

Да, еще каким. Жаль. Что стоило твоему отцу возглавить его контору? С его-то хорошо подвешенным языком! Это точно! Он был бы лучшим.

Вито достает из выдвижного ящика старую деревянную дощечку и длинный нож.

Что мы будем есть?

Мясо и овощи.

А на десерт?

Фрукты. Донна Л. не любит сладостей. Но я

захватил для тебя печенье на полдник. Оно в том шкафчике.

Вито наливает воды в кастрюлю, открывает и закрывает холодильник. Сосредоточившись на салате, он не говорит больше ни слова. Рвет лист за листом. Я смотрю на его ссутуленную спину, на затылок.

Твоя мама — сильная женщина.

Как это?

Вито не отвечает.

Ничего, ничего. Я иногда слишком много говорю, Илария. Это взрослые дела. Передай мне, пожалуйста, салатницу. Вон она, на сушке.

На.

Вито улыбается. Знаешь, Илла, кухня — это настоящая исповедальня. Когда вы жили здесь, готовила донна Антония, и мы с ней много говорили. Она умела делать шоколадное суфле — и-и-и-иск-лю-чи-и-и-ительное. Ты его пробовала?

Бабушка открывает входную дверь. «Кто-о-о-о до-о-о-о-ома?» Вито косится на меня.

Ступай-ка! Донна Л. будет недовольна, что ты здесь.

* * *

Делай так, делай этак. Папа качает головой, морщится, показывает мне на нож с вилкой, округляет глаза. Я незаметно подражаю ему. Вытираю рот большой салфеткой, кладу приборы на стол в пять часов минута в минуту. Мама уже учила меня всему этому, но с тех пор, как мы с папой уехали, я все забыла.

На днях бабушка вышла из-за стола, сказав папе: научи свою дочь есть фрукты ножом и вилкой. Это невыносимо!

Мне было стыдно. Папа позвонил Вито, и тот пришел с корзиной фруктов.

Это просто, смотри, как я делаю. Вот, например, банан: надрезаешь кожуру кончиком ножа по всей длине, аккуратно раздвигаешь края, а потом, не вынимая мякоть из оболочки, режешь ее. А есть надо вилкой. Режь на маленькие кружочки, вот так, видишь? Потом папа берет персик, яблоко, абрикос. Я все делаю, как он, очень стараюсь. Он улыбается мне. Скоро ты сможешь есть за столом у английской королевы.

* * *

Исключительное предложение! Один килограмм стирального порошка за две тысячи лир! Я вскакиваю с кровати, открываю окно. Сегодня вторник, день мыльного продавца. Я узнаю его фургон и электрический голос из мегафона. Прижавшись к балконным перилам, смотрю, как женщины протягивают ему банкноты. Он кладет белые пластиковые мешки на большие весы. Один килограмм для синьоры. Один! Один килограмм стирального порошка за две тысячи лир!

Я отхожу от окна и снова ложусь на матрас. Мне ничего не хочется. Одеться? Зачем? Погулять по дому? Я уже знаю его наизусть, изучила все витрины с сицилийской керамикой, гравюры, коллекцию ложечек. Вчера я открыла все шкафы, выдвинула все ящики, наведалась в чуланы. Я даже поднялась на третий этаж посмотреть, как выглядят маленькие комнатки, где раньше жили слуги. Там оказалось пыльно, все заставлено коробками и старыми кожаными чемоданами. Было очень жарко и пахло нафталином.

Я рассматривала старые фотографии, разбросанные по креслу. Люди позировали с очень серьезным видом. На фоне картонных декора-

ций. Кто они?

* * *

Папа, почему Вито ест один на кухне, а не с нами? Мы не садимся за стол со слугами. У меня, наверное, вытянулось лицо.

Так принято. Это классовый вопрос. Ты потом поймешь.

Я вспоминаю, что говорила бабушка за столом. Девушка должна быть *изящной*. Держать свое тело в рамках. Двигаться бесшумно. Сидеть на краешке дивана, вытянувшись в струнку, ноги согнуты под прямым углом, колени сжаты. Лицо сообразно обстоятельствам.

Что это значит?

От ее объяснений я растерялась. Так принято, заключила она. Это вопрос воспитания.

Есть вещи, которые «так приняты». Например, когда папа заговаривает о маме, бабушка сразу меняет тему.

Так принято.

И скучать нельзя, так тоже принято.

Я должна занимать себя сама. Папа говорит, что я уже большая, что мне пора обходиться без него: Так принято. Мне девять лет, почти с половиной, и я чувствую себя старой.

* * *

Я прохожу мимо папиной комнаты, его дверь приоткрыта. Я вижу, как он застегивает рубашку, очень медленно, с пустым взглядом. У него всегда опущены шторы. Радость встречи с бабушкой уже в прошлом. Он грустный, вялый. И очень худой в облаке дыма. Кровать, низкий столик, стул, большая лампа и дедушкины книги — больше ничего в этой комнате нет. И все в ней земляного цвета.

На прошлой неделе папа и бабушка долго переговаривались шепотом. Они не хотели, чтобы я их слышала. С тех пор на плечах у папы будто лежит тяжесть. Он все чаще вздыхает. Что-то неладно, я это вижу. Он больше не выходит из дедушкиного кабинета. Если бы не надо было одеваться к обеду, так бы в нем и сидел. Это мама, как пустая комната внутри его тела. На автостраде он говорил, что не умеет жить без нее. Что только ради нее и живет.

Он больше не зовет меня ни своей принцессой, ни своим розовым фламинго.

Я его раздражаю. Все его раздражает. Он раб телефона, вся его жизнь подчинена тренькающему звуку. Папа ждет его, кружит вокруг аппарата,

как лев в клетке, словно хочет поймать звонок на лету, а когда телефон наконец звонит, берет трубку кончиками пальцев. Как будто она жжется.

Pronto. Голос у него ровный. Безразличный. Да, да, это я. Добрый день, мэтр. Допустим… Допустим… Нет, она не ходит в школу. Ну и что?.. Что это меняет?.. Сейчас каникулы. Она живет здесь со своей бабушкой и со мной. Чувствует себя прекрасно, да. Мы ездим к морю каждый день. Да… Нет… Я не согласен… Так устройте мне встречу с ее адвокатом… Я готов поехать в Женеву, если нужно… Нет. Нет. В общем…

Папа врет, мы ни разу не ездили к морю.

* * *

В маленькой гостиной прохладно. Я сижу перед книжным шкафом, держа на коленях старую коробку с нитками, и сшиваю книжечки из листков, которые дала мне бабушка. В голове теснятся мысли, мне интересно, я вожу карандашом по бумаге, стараюсь куда больше, чем в интернате. Когда рисунок получается хорошо, я его подписываю, а название беру из книг, что стоят передо мной. Комбинирую его из разных слов.

Никто никогда не заметит моих поделок, но

мне нравится, проходя мимо книжного шкафа, думать, что меня связывает с ним секрет.

И еще есть старый радиоприемник с большими ручками, которые крутятся легко, как по маслу. Пластмассовый столбик движется и переносит меня в Софию, Тунис, Варшаву. Я уже узнаю голос женщины, которая говорит по-английски. Наверное, это Би-би-си. Я понимаю отдельные слова урывками. Английский я совсем забыла. Французский тоже. Я теперь говорю только по-итальянски.

Бабушка с папой поссорились сегодня вечером, перед тем как ушли на прием. Она была вне себя, когда вернулась с работы. Обвинила его во всех грехах и закрылась в своей спальне. Он, кипя от злости, расхаживал взад и вперед по коридору. Кричал, размахивал руками, как дирижер в телевизоре, подняв вверх палец.

В конце концов бабушка открыла дверь. Ты закончил ломать комедию? Ты готов? Идем? Тон резкий, как пощечина. Папа замер. Да. Он пробормотал это не разжимая губ. У него был потерянный вид. Ему, наверное, хотелось сказать «нет».

Они ушли под ручку. Как два актера на сцене.

Папа в черном смокинге с галстуком-бабочкой, а она с макияжем, маникюром, в изумрудно-зеленом платье и туфлях в тон.

Они оставили меня одну в холле.

Чао, чао, чмок. Хлоп.

От тишины мне стало страшно. Я надолго зажмурилась. Мое тело сделалось твердым, совсем закаменело. Не поиграть ли мне в лунатика? Я крутанулась на месте раз, другой и вытянула руки перед собой плашмя, как две дощечки. Шаг вперед. Пальцы наткнулись на стену. Я расслабила их. Шла маленькими шажками. Совсем маленькими. Стеклянная дверь. Холод. Ручка. Холод. Я была в крыле спален. Шорох открывающейся двери показался мне вздохом. Ноги отяжелели. Они искали теплое место, уютное место, где бы спрятаться.

Мрамор, паркет, ворс ковров, запахи, звуки.

Я шла вслепую, от страха и возбуждения было щекотно в животе. Запахло сладким. Лак для волос. Бабушкина ванная. Я ощупала ее бутылочки, тюбики с кремом, укололась о щетку для волос. Коврик под ногами был пушистый, теплый, но вдруг стал жестким. Так странно было ступить на шершавую поверхность в этом море мягкости, что я нарушила правила и открыла глаза. Да, мой

большой палец не ошибся, под ногами оказался участок величиной с буханку хлеба, вытертый до серой основы. Я задрала голову. Шесть зеркал. Больших и маленьких. У меня захватило дух. И я поняла, почему бабушка всегда так идеально выглядит. Отсюда она видит себя и анфас, и со спины, и в профиль. Мои шесть отражений не уходили. Неужели это я? Я зажмурилась еще крепче, нащупала ванну, залезла в нее. Но и там мне было не по себе. Скорее, скорее, вон отсюда. Дверь, коридор, дверь. Запах остывшего табака, злости, ожидания. Это была папина комната. Нет, нет, нет. Я ступала по мрамору, вот и прихожая. По линиям, отделяющим белые плитки от черных, я добралась до растений. Гладила листья, стебли. Они были теплые. Приятно пахло сырой землей. Я села на корточки между горшками.

* * *

Папа с бабушкой все время ссорятся. Поводы: астрономический счет из римского отеля, который папа так и не оплатил, суммы счетов за телефон и виски. А почему ты не ищешь работу? Почему никуда не ходишь с Иларией? Что, потвоему, вырастет из этого ребенка? Она могла бы брать уроки тенниса… А школа?

Они пинают меня друг другу, как футбольный мяч.

Когда папа огрызается на бабушку, пол и стены ходят ходуном. Она прячется в своей спальне, запирается на ключ, и папа слетает с тормозов.

Он становится криком.

Он обливается по́том, брызжет слюной, размахивает руками, вопит.

Я не хочу видеть, как играют мускулы папиных стиснутых челюстей. Не хочу слышать, как скрежещут его зубы. Не хочу, затаив дыхание, чувствовать, как его вопли бьются в мои виски. В горле стоит ком.

* * *

Илла! Илла! Что ты там делаешь? Это очень опасно! Ну-ка слезай скорее.

Старый Вито, добрый Вито, это голос Вито.

У меня дрожат колени. Я залезла на крышу, и мне совсем не было страшно, но теперь, когда нужно спуститься, я цепенею. Кружится голова. Вито снизу дает мне указания. Не вставай, не надо. Сиди, опирайся на руки. Только приподнимай попку, чуть-чуть, чтобы передвинуться, не больше. Мало-помалу я добираюсь до чердач-

ного окошка. Вито подхватывает меня на руки. Я плачу, хоть и поклялась себе никогда больше не плакать.

Не говори ничего папе, обещаешь?

Вито обещает. Вито берет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице, он впереди, я сзади. Хочешь, я приготовлю тебе что-нибудь поесть? Сядь сюда и скажи, что тебе понадобилось на крыше? Вито роется в шкафчике, достает пачку печенья, выкладывает его на тарелку. Вот, ешь давай. Он ставит на огонь кастрюльку, наливает в нее молока. Может, приготовить тебе фруктовый салат? Вито улыбается. Гладит меня по щеке. Тогда помоги мне. Мы сидим перед корзиной с фруктами, чистим, режем на кусочки яблоки, банан и апельсин. Потом Вито разрезает на две половинки лимон, тычет в него вилкой, выжимает сок.

Ешь, детка.

Бабушка ссутулилась, сидя на краю кровати. Ее лицо повернуто к окну, локти упираются в колени. Глаза смотрят в пол. Она не слышала, как я вошла. А, это ты. Иди сюда, иди, садись рядом. Она хлопает ладонью по покрывалу. Лицо у нее сегодня какое-то неприбранное. Я только что поговорила с Изабеллой. Это моя очень старая подруга. У тебя ведь тоже есть настоящая подру-

га, правда? Бабушка продолжает. Она согласна позаботиться о тебе. У Изабеллы дом за городом, в двух часах отсюда. Я отвезу тебя к ней. Она живет одна, и ты составишь ей компанию.

Бабушка встает, проходя мимо зеркала, как всегда, поправляет прядь и странно складывает губы, как-то так по-куриному. Папа нашел работу, говорит она. Это неправда, я знаю. Ты не можешь оставаться здесь целый день одна. Идем! Мне надо собраться. Я иду за ней в ванную. Перед зеркалом за туалетным столиком она берет пуховку и пудрит лицо, расчесывает щеткой волосы, брызгает на них лаком.

Мы с тобой идем по магазинам. Ты не можешь ехать к Изабелле в таком тряпье. Ступай переоденься, выходим через пять минут.

В лифте она берет меня за подбородок.

Я тебя очень люблю, моя маленькая Илария.

Mi raccomando, будь всегда вежлива и слушайся Изабеллу.

Mi raccomando, застилай каждое утро свою кровать. Mi raccomando, будь аккуратна, сиди прямо за столом, не забывай причесываться и чистить зубы.

В машине бабушка продолжает меня настав-

лять, будто гвозди вбивает в голову. Я думаю о папе, о том, как мы попрощались. Тебе повезло, что ты едешь к Изабелле. Она же гранд-дама, вот увидишь. Он обещал, что приедет меня навестить. И будет звонить.

Не дуйся, говорит бабушка и включает радио.

Дикторша: «Сегодня, девятого сентября тысяча девятьсот восемьдесят первого года, „Герника“, знаменитая картина Пикассо, вернулась в Мадрид, провисев сорок лет в нью-йоркском музее МоМА». Бабушка объясняет мне, что это одна из самых великих картин в мире, написанная одним из величайших в мире художников. Великие, величайшие. Запомни это имя, Илария. Пи-кас-со.

* * *

Два часа, потом три. Мы съехали с шоссе и петляем по проселкам. Я не знаю, как бабушка ориентируется в этой местности, среди множества холмов, белых скал и желтой травы. Все сухое, и ни одной таблички с указателем.

А! Кажется, подъезжаем. Это вон там, видишь? Она показывает пальцем на зеленое пятно. С облегчением нажимает на акселератор. Знаешь, Илария, я думаю, пожить немного в деревне пой-

дет тебе только на пользу. Сама посуди, ты все лето провела в четырех стенах. Разве это годится для ребенка? Она поворачивается ко мне и смеется. Ее рыжие волосы растрепались. Как пожар вокруг головы. Да, конечно, ты права. Но я же не знаю Изабеллу. Не переживай. Вот увидишь, она чудесная.

Бабушкина машина, старая развалюха, вся трясется. Скрежещет металл. С заднего сиденья падает подушка.

Не трогай… Это подушка моего жильца.

Твоего жильца? Что значит жилец?

Это дядя, который ночует в моей машине. Мы договорились, я ему разрешаю, лишь бы машина оставалась чистой. Не спать же ему на улице, правда? Она смеется. Бабушка красивая и торопится. Как же я не люблю приезжать сюда. Всегда плутаю. Ты сделаешь Изабелле реверанс, как полагается, mi raccomando.

Наконец приехали. Длинная аллея, каменная арка. Я читаю название дома, выгравированное в квадрате белого мрамора. La Ninfa. «Нимфа».

Бабушка тормозит посреди двора, и гранд-дама выходит нам навстречу. На Изабелле красивое широкое платье, белое-белое, и сандалии. Улыбки, реверанс, бабушкин одобрительный взгляд,

поцелуи, и вот она уже снова сидит в своей развалюхе.

Др-р-р-др-р-р, бабушка укатила, помахав рукой в окно машины. Сверкнул ее большой красный перстень.

Чао-чао!

Мы с Изабеллой так и стоим, глядя на оседающее облако пыли на аллее. Я чувствую себя полной дурой. Чемоданом без ручки. Должна ли я что-то сказать? Изабелла пожимает плечами. Ба! Твоя бабушка тот еще персонаж.

А папа сказал про Изабеллу «гранд-дама».

С одной стороны «гранд-дама», с другой «тот еще персонаж» — как мне вообще уцелеть?

Изабелла показывает пальцем на небо. Ее голову как будто тянет назад невидимая нить. Ты слышишь, Илария? Где же мои уши? Ну да, ноты фортепиано. Как будто волны, правда? Я обожаю этот пассаж. Ну, идем же в дом! Она берет мой чемодан, и мы поднимаемся по ступенькам крыльца.

Дом огромный, еще один лабиринт маленьких и больших гостиных, высокие потолки с нарисованным небом и розовыми ангелочками. Коридоры, комнаты. Все белое, и, как говорила

бабушка, совсем мало мебели.

Звуки фортепиано вдали как будто аккомпанируют нам.

Тебе понадобится несколько дней, чтобы сориентироваться, это нормально. Дом имеет форму подковы, но мы пользуемся только одним крылом, видишь? Изабелла показывает в окно на закрытые ставни напротив. Требуется капитальный ремонт, чтобы привести эти хоромы в порядок, истребить сырость. Ну да бог с ним.

У двери моей комнаты Изабелла представляет меня Паоле, экономке.

Паола, познакомьтесь, это Илария.

Я делаю реверанс.

Через четверть часа Паола позовет тебя к ужину.

Тумбочка у кровати. Запах лаванды. Письменный стол. Стул. Большое окно выходит во двор. Через двор идет полосатая кошка.

Шерстяное одеяло колет сзади ляжки.

Тишина.

* * *

С первого вечера я очень стараюсь сидеть прямо, правильно держать вилку. В голове крутятся

все бабушкины слова, папины взгляды. Она вот-вот лопнет. Изабелла говорит, что каждый день ездит в деревню в двадцати минутах отсюда и будет рада, если я захочу к ней присоединиться. К столу приходи вовремя, я буду ждать тебя здесь. В восемь завтрак, в час обед и в восемь вечера ужин.

Ее голос пересыпан тальком. Как труба Чета Бейкера. Одиночество, сказал бы папа.

Пока она говорит, я не могу отвести глаз от портретов вокруг. Бледные круглые лица, плечи и груди в золотом шитье. Это ее предки. Вот моя мать, а это мой отец, мой дедушка, и еще тетя, а вон мой двоюродный прадед. Он был папой римским. Изабелла смеется. Такие строгие на вид, правда? Но они все мертвы и похоронены.

Изабелла краснеет и зажимает рот рукой, как будто ляпнула глупость.

Если хочешь почитать, в библиотеке много книг.

У меня есть альбом для рисования.

Изабелла улыбается.

Покажешь мне как-нибудь свои рисунки?

Шерстяное одеяло колет ноги даже сквозь простыню. Кровать скрипит, в углу на потолке сидит

паук, прямо над моей головой. Когда Паола приходит пожелать мне доброй ночи, я показываю ей на него: боюсь. Она смеется. Ничего он тебе не сделает. Но я все равно думаю, что в темноте паук может упасть на меня и забраться под простыню. Он укусит меня, и я покроюсь синими пятнами.

Я прижимаю к животу Бирилло. Надо выбросить из головы эту гадкую тварь.

В комнату врывается ночь. Стрекочут кузнечики. А может быть, это сверчки. Где-то ухает сова.

Я засыпаю с включенным светом.

Каждое утро Изабелла отправляется в деревню. Всегда такая ухоженная, такая элегантная, она странно выглядит в зеленом джипе. Возвращается со свертками под мышкой, иногда привозит овощи, хлеб, газеты. Паола говорит, что она ездит к священнику. Потому что очень горюет после смерти мужа. Говорит, что ее не узнать, что дом никогда не был таким пустым. Еще она рассказывает: раньше я только и делала, что застилала и расстилала постели, стирала белье, стряпала для гостей. Принчипесса приглашала много друзей. Теперь она носа не высовывает из дома, только слушает грустную музыку в розовой гостиной. Изабелла, наверное, назвала эту комнату так из-за платья женщины на большом гобелене. Выши-

тая женщина стоит спиной. На ней треугольная шляпа, а рядом — колодец. На нее смотрит юноша и улыбается. У него в руках ведро. За ними лес, ветви, листья, валуны, кусочки неба.

Я сижу в кресле с книгой на коленях, но читать не могу. Изабелла вяжет. Она напоминает мне хрустальный бокал, высокий, тонкий, прямой и холодный. Белая прядь на лбу путается с волосами цвета перца с солью.

Когда наши взгляды встречаются, я улыбаюсь, и она тоже. Она, по-моему, застенчивая. Глаза у нее добрые, бирюзовые, проницательные.

Ты умеешь вязать?

Я качаю головой.

Хочешь научиться?

Нет, спасибо. Но мне любопытно, и я подсаживаюсь к ней на большой диван.

Смотри, вот лицевая петля, а вот изнаночная.

У нее ловкие, проворные пальцы.

* * *

За лесом мы нашли красивое фиговое дерево. Бирилло дал ему имя: Камилло. Нам пришлось долго идти под соснами, потом по пыльной тропинке вдоль рощи оливковых деревьев с кривыми стволами. И еще надо было перелезть через

ограду, заросшую колючей ежевикой.

Но вот и Камилло, огромный шар мясистых листьев. Одни его ветви касаются земли и больших камней, другие вздымаются высоко в небо.

Никто не станет искать нас здесь. Кричи сколько хочешь… Здесь только птицы, муравьи да ящерицы снуют между камнями, иногда замирают на месте и тут же бегут дальше. Бирилло они не нравятся, но я его успокаиваю. Ничего с нами не случится, ведь мы забрались так высоко, на самую верхушку Камилло. Я разуваюсь и смотрю, как падают мои туфли.

Бирилло, а мы вообще есть, если никто нас не видит? Бирилло ничего не говорит.

Что сейчас делает папа? Я по нему скучаю. Нет, нет… это неправда. Я и сейчас слышу, как стреляет его рот-карабин. Та-ра-та-та-р-р-ра. Скрипят зубы. Вылетают злые слова.

Бирилло советует мне ни о чем не думать. И о маме тоже не думай, и об Ане.

Я все хуже их помню. Не могу увидеть их лица. Главное, что мы вместе, говорит Бирилло.

Он шепчет мне: я никогда от тебя не уйду. Я прижимаю его к себе и засовываю лист Камилло в прореху на шее, там, где он порвался еще в интернате. Я его так и не зашила, потому что

это лучший тайник для моих памяток. Записки, мамин номер, листья с дерева. Что еще?

Идем домой.

Мы возвращаемся в пыльных сандалиях, с липкими руками.

С полными карманами спелых фиг на десерт.

* * *

Изабелла боится, что я испорчу одежду. Она велела Паоле отвести меня к Нини, это соседка-крестьянка, она живет в доме за сараем со своим мужем Коррадо. Они возделывают земли принчипессы, ухаживают за ее виноградниками. Вот увидишь, у Нини золотые руки, она нашьет тебе чудесных юбок.

Зажав в зубах портновский метр, Нини сняла мерки и все записала на бумажке. Перед уходом она попросила меня помочь ей положить большие доски на стол за домом, ну вот, слово за слово, я осталась и уже помогаю ей с помидорным пюре. Мы давили пальцами комочки и размазывали эту массу тонким слоем по доскам. Потом посыпали все красное море солью и накрыли легкой-легкой тканью. Оставим сушиться на три-четыре дня, это для томатного концентрата, сказала Нини.

Под конец мои ладони были все сморщенные.

Теперь я каждое утро захожу к Нини узнать, не нужна ли ей помощь. Ее муж Коррадо уходит чуть свет. Близится сбор винограда. У него много работы.

Синева неба поглощает малейшее облачко. Цвет такой яркий, что ничего больше нет над нашими головами. Нини утирает лоб сгибом локтя.

Ты покормишь кур? А я бы пока развесила белье. Она приносит ведро.

Кроши вот так, пальцами… Смотри, как я.

Цып, цы-ы-ы-ып! Ко-ко-ко…

Куры сбегаются с громким квохтаньем. Теперь сама. Она протягивает мне ведро.

Что это?

Размоченный хлеб.

Я медлю, но все же погружаю пальцы в клейкую массу.

Изабелла решила, что я должна уметь считать, и теперь каждое утро заставляет меня повторять ей таблицу умножения.

3 × 7 =

5 × 20 =

4 × 9 =

Я так боюсь ошибиться, что все путается в го-

лове. Слышу сестру Силиану, она говорит мне «соберись», как в интернате, но я не могу. Цифры рассыпаются, превращаются в закорючки и черточки. Все сливается, и результата не разобрать. Изабелла, выйдя из терпения, однажды утром дала мне тетрадь. Попробуй писать, может быть, лучше получится. На бумаге у цифр есть начало и конец.

Она была права, все успокоилось. С помощью руки я лучше вижу, и думать легче.

Изабелла подбадривает меня. Еще два вопроса, и я тебя отпущу.

$4 \times 9 =$

$8 \times 6 =$

Изабелла знает, как я люблю ходить к Нини. Люблю окунаться в ее мир, задействовать нос, уши, пальцы, помогая ей консервировать овощи, копать землю в огороде, ворошить сено в стойле Турри, это мул Коррадо. И потом, Нини очень интересно рассказывает про ведьм. Она говорит, что ведьмы существуют взаправду, оказывается, в лесу их полно. Узнав, что я там иногда гуляю, она сразу подхватилась и бросила щепотку соли через мое левое плечо. Назавтра меня ждал на столе в кухне полотняный мешочек. В нем две кофейные ложки муки. Носи его на шее, чтобы

отпугнуть ведьм, иначе они могут причинить тебе много зла…

Нини говорит, что я una piccirridda[35], городская девочка, и ничего не знаю про мир духов. Есть он или нет, не важно, мне куда интереснее видеть ее ходящий ходуном подбородок, нахмуренные брови, слушать, как она учит меня правильно держать вилы, выкапывать картошку, резать луковицы. Попробуй, она всегда так говорит: «попробуй». С ней я не боюсь ляпнуть глупость, мы смеемся вместе. У нее веселые глаза с хитринкой. И она все умеет делать руками. Шить, печь печенье с апельсиновым мармеладом и даже высчитывать, сколько времени осталось до захода солнца. Ей достаточно просто поднять руку, чтобы пальцы были между его нижним краем и горизонтом, сжать их… и ответ готов: еще полчаса.

Руки Нини столько всего умеют!

Mangia Ilaria. Brava Ilaria[36]. А вот и Коррадо появляется через полчаса на проселочной дороге вместе с Турри. Они бесшумно приближаются, солнце светит им в спину.

---

[35] Примечания: 35
Маленькая девочка (*ит.*).

[36] Примечания: 36
Ешь, Илария. Молодчина, Илария (*ит.*).

Bonasira![37] Подъехав к дому, Коррадо спрыгивает с телеги, снимает кепку, проводит рукой по прилипшим от жары к голове волосам.

Потом он распрягает Турри, поглаживает его. Мул вытягивает шею, трясет головой, отгоняя мух, и ржет. Отведешь его? Ступай, ступай с Иларией. Он протягивает мне поводья. Идем, Турри, идем. Я припасла тебе соломы и поменяла воду. Я говорю с ним ласково, как Коррадо. Теперь отдыхай.

Жесты Коррадо одни и те же, день за днем. Разговаривает он мало. Козочки здоровы. Виноград почти созрел.

* * *

Искупаться, причесаться, одеться к ужину. Не копайся, вода стоит дорого. Когда я сажусь в ванну, Паола приходит потереть мне спину и помыть за ушами. Чего доброго, подцепишь здесь клещей. Сидячая ванна облупленная, шершавая.

Руки у Паолы грубые, а на лице всегда недовольное выражение, но при этом она может быть ласковой на свой лад. Папа назвал бы ее лицо безобразным. А я в ее щеках, покрытых сеткой

---

[37] Примечания: 37
Добрый вечер! (*искаж. ит.*)

красных жилок, в ее серых глазах вижу доброту. Правда, у нее каша во рту, и она некрасиво режет хлеб, прижимая к груди. Ну и что?

У Паолы нет детей, и Нини над ней подтрунивает. А что ты хотела, ты же замужем за принчипессой. Между собой они говорят о шитье, о родных. Так я узнала, что дети Нини уже взрослые и живут в Палермо. Дочь и сын.

Когда Паола идет со мной к Нини, у нее всегда что-то есть в кармане передника — что-то, что она сама сшила, связала, испекла. И глядя, как она делает подарки, я думаю, что это часы ее досуга и она дарит их Нини. Та благодарит, а Паола морщится, словно хочет сказать «не стоит».

Сегодня это вышивка, красные цветы на квадратике белого полотна. В честь начала сбора винограда.

Мы вымыли корзины, ножи, чтобы срезать грозди, в больших кастрюлях вскипятили воду — чтобы стерилизовать бочки, в которых будут давить виноград ногами. Дети это обожают, и ты, если хочешь, можешь нам помочь, Илария. На сборе винограда все берутся за дело! Земледельцы, скотоводы, соседи, друзья. Нини заранее радуется.

А потом, под конец… праздник. Вот увидишь. Даже принчипесса пожалует.

Шесть часов. Двор, хоть и превратился в улей, еще окутан утренней тишиной. Мужчины запрягают ослов, женщины грузят на телеги горы плетеных корзин, дети, мои ровесники, укладывают в ящички еду, которую их отцы возьмут с собой на виноградники. Малыши, закутанные в шали, тихо играют на скамейке.

Мы ждем сигнала Коррадо, чтобы отправиться в путь. Amunì! Amunì! Идемте! Его голос как раскат грома. Amunì! Amunì! Можно начинать сбор винограда. Мужчины садятся на телеги сзади, свесив ноги. И улыбаются.

Я в последний раз глажу Турри. Доброго пути, Коррадо.

Его глаза щурятся. Губы раздвигаются, открывая красивые белые зубы. Он счастлив.

А виноградники далеко?

Сорок минут отсюда. Хочешь с нами?

Нет… нет… я останусь здесь.

Завтра?

Может быть.

Дети бегут по дороге, многие провожают мужчин.

К полудню прибывают первые полные корзины. Солнце злое. Мужчины, стоя на телегах, аккуратно пересыпают виноград в другие корзины. Женщины попарно несут их под навес.

Грозди падают бесшумно.

Теперь дело за нами, детьми. Мы забираемся в бочки парами. Я с белокурой пухленькой Кьярой. Guarda, accussì, accussì. Смотри, вот так. Она высоко задирает ноги, придерживая черную юбку на бедрах, чтобы не забрызгать ее.

Мы одеты почти одинаково. Это Нини сшила мне юбку и красивую белую блузку с пышными рукавами-колокольчиками.

Она дала мне все это вчера вечером.

Я звонко чмокнула ее в шею и захотела скорее примерить, а Нини крепко обняла меня. Она была теплая. Подарок.

Ягоды лопаются у меня под ногами, застревают между пальцами. Мягко и щекотно. Отовсюду звучит смех. Вокруг бочек суетятся женщины, меняют чаши, в которые стекает сок. Прыгайте, дети, прыгайте! У них громкие голоса, они помогают друг другу, переговариваются. Под навесом кипит жизнь.

Одна молодая женщина вдруг затягивает пес-

ню. Солнце светит ей в спину, и черный силуэт отчетливо вырисовывается на пороге. Голос у нее грудной, нежный, сильный. Она так красива, что все замерли, затаив дыхание.

* * *

Семь дней подъема с рассветом, семь дней смеха, работы, взаимной помощи. Одни и те же движения изо дня в день, все более медленные от усталости. И праздник.

Изабелла с нами, сидит a capo tavola[38], на почетном месте. Она слушает, спрашивает, отвечает. Все время улыбается, пьет вино стакан за стаканом. Столы завалены фруктами, заставлены пустыми тарелками. Убирать их ни у кого нет сил. Какая разница? Музыканты уже рассаживаются, сейчас начнутся танцы.

Коррадо, робея, но осмелев от вина, приглашает принчипессу. Una tarantella? Изабелла протягивает ему руку, встает, он, поклонившись, обнимает ее за талию. Поднимаются и другие пары. Коррадо с Изабеллой открыли бал.

Lu vino fa cantari, l'acqua fa allintari.

---

[38] Примечания: 38
Во главе стола (*ит.*).

От вина поют, от воды слабеют.

* * *

Паола выбила во дворе ковры и расстелила их. Я ей помогала. Зима близко, посмотри на небо. Видишь? Свет стал другим, солнце больше не припекает. Темнеет быстрее. И бабочек уже не так много.

Листья плюща, покрывавшие дом, когда я приехала, теперь опали. Остались только голые ветви — его нервная система, вся из ломаных линий, извивов и треугольников.

* * *

Легким движением руки она берет фарфоровую чашечку с блюдца. Подносит ее к сахарнице, кладет в чай полную ложку сахара, бесшумно размешивает и опускает туда тонкий ломтик лимона.

Теперь, когда солнце садится раньше, мы завели привычку за полдником, если позволяет капризная антенна, смотреть хоть одну серию «Пеппи Длинныйчулок».

Изабелла не меньше меня потешается над

проделками Пеппи, хотя они бывают грубоваты. Съежившись на диване, она прячет ладонями улыбку. Кажется, иногда даже краснеет от удовольствия. Она похожа на ребенка, которому дали большую сахарную вату. Я уверена, что это из-за своих предков Изабелла всегда держится так прямо, но, когда смотрит Пеппи, она забывает о них.

* * *

Когда Изабелла читает вслух, она выпрямляет спину, прочищает горло, набирает в грудь побольше воздуха. Положив книгу на колени, переворачивает страницу, вторую, третью, поднимает на меня взгляд, чтобы убедиться, что я здесь, с ней. И продолжает, улыбаясь одними глазами.

Когда Изабелла читает, слова текут в такт ее дыханию, то медленнее, то быстрее. Каждое слово попадает в меня, что-то во мне открывает, что-то цепенит. Картины одна за другой проплывают под веками. Я море, я сеть, я кит, я соль.

Когда Изабелла читает, ее плечи и руки в движении. Она делает паузы, подкрепляет слова жестами, вся колышется. Тебе интересно? Го-

стиная наполняется воздухом, ветер свистит у-у-у-у-ух у-у-у-у-ух. Изабелла прерывается, смотрит на меня, я хмурю брови. Дальше, пожалуйста. Я готова прыгать, готова плыть. Не останавливайся.

Библиотека, перед которой я до сих пор трепетала, теперь манит меня. Если в каждой книге заключен целый мир, как быть? Успею ли я прочитать все? Куда девать эти новые ощущения?

После ужина, когда я уже лежу в постели, история возвращается. Я привожу в порядок дневные картины, и, вечер за вечером, когда как, в голове оформляется другая история. Я добавляю персонажей, детали, слова. Это похоже на упражнения Нади Команечи. Чтобы рассказ стал полным, надо раздвинуть границы, не слушаясь логики, отыскать такое место, где тело падает в пустоту и находит новое равновесие.

* * *

Позвонил папа. Едва услышав голос, я увидела его как живого: вот он сидит в своей комнате, упираясь локтями в колени, окутанный облаком дыма. Он сказал, что приедет за мной завтра.

* * *

Надо собрать вещи. Всем занялась Паола. Нини сидит на стуле, устроив Бирилло в своем переднике. Она ничего не говорит, и лучше мне на нее не смотреть.

* * *

Когда мы уже попрощались и папа выехал на дорогу, я обернулась. Паола, Изабелла и Нини стоят втроем в рамке ветрового стекла. Они образуют пирамиду. Изабелла в середине, а по бокам две ее опоры.

Мы едем, удаляемся, и они все меньше.

Они — скала. Моя невидимая скала.

* * *

Рождество. Стол весь сияет. Мы ждем гостей.

Вито готовит угощение. Он надел белую куртку.

Пахнет огнем.

Это единственный вечер в году, когда мы разжигаем камин, посмеивается бабушка.

Здесь ничего не изменилось. Только папа те-

перь работает.

* * *

Что мешает мне возненавидеть папу? Стыд, который я подсмотрела у него в глазах, когда, вконец разозлившись на его виски, вылила бутылку «Баллантайна» в раковину в ванной. Вместо этой желтоватой жидкости я налила воду.

Сделав долгий глоток прямо из горлышка, папа покосился на меня. Он опустил глаза и не сказал ни слова.

* * *

Вот уже месяц я снова хожу в школу.

Отсидеть урок — настоящая пытка. Я вспоминаю деревню, птиц, ветер сирокко, пыль на проселочных дорогах, огромное небо над головой. Нини. Изабеллу. Паолу. И рисую Турри на полях тетради.

Сестра показывает на географической карте Сирию. Она велит нам встать и прочесть молитву за эту далекую страну и за жителей Хамы. Президент Хафез Ассад, сказала она, истребляет свой народ.

Папа забывает забрать меня из школы. Каждый день я жду его по тысяче минут. А он говорит, когда приходит: не раздувай мелодраму, прекрати капризничать. Я не мог прийти раньше, я, между прочим, работаю.

Мне вспоминаются субботние утра в интернате. Но теперь внутренний двор, где я его жду, становится черной дырой и затягивает меня. Дыра ширится, я падаю, ловлю ртом воздух. Что сделала бы Пеппи на моем месте?

Папа, с тех пор как нашел работу, пьет еще больше и все время кричит. Дома он говорит, что начальник придурок, что его волей-неволей приходится терпеть, что это унижение, что ему на новом месте не доверяют. Он задавил меня своим плохим настроением и еще командует.

Отнеси мои стаканы в кухню.

Принеси мне бутылку воды.

Он злой.

Вчера я сказала «нет», один раз, второй, третий.

Раздвинув уголки рта в насмешливой улыбке, папа ничего не отвечал, а потом его перекосило. Он плюнул мне под ноги. Его глаза показались мне двумя железными копьями.

Кем ты себя возомнила?

* * *

Я пишу:

Никогда больше не пойду в школу. Никогда больше не скажу ни слова.

Никогда больше не буду есть.

И прячу бумажку в шею Бирилло.

* * *

У меня болит голова. Болит живот. Я отказываюсь от еды.

Когда удается забыться, забыть о том, что у меня есть рука, плечо, пальцы, усыпить каждый мускул лица, слепить ноги с торсом, стать стволом, утонуть в темноте, только тогда я чувствую, что мне ничего не грозит. Достаточно закрыть глаза, чуть-чуть сосредоточиться, и потихоньку цепенеют, угасают мои нервы. Я вообще перестаю чувствовать. Видеть, слышать. Я за стеклом, меня не достать. Земля может вращаться, а меня больше нет. Я себя отменила.

* * *

Илария, Илария, что с тобой? Папа беспоко-

ится.

Уже две недели я лежу лицом к стенке. Ко мне заходит Вито. Илла, Илла, поговори со мной. Я не отвечаю. Он готовит мне куриный бульон, к которому я едва притрагиваюсь. Позови доктора, распоряжается бабушка. Семейный врач выслушивает меня, осматривает, вертит так и этак. Если не считать худобы, со мной все хорошо. Его заключение: палец постукивает по виску. Вот где неладно.

* * *

Чего только он ни придумывает, чтобы заставить меня встать. Пойдем купим мороженое. Или пазл? Новые ручки! Выйдем за сигаретами. Поедем лучше на машине. Ну, идем же. Мне еще батарейки нужны.

В этот день я говорю «да». Без особой на то причины.

У табачной лавки к нам подходит полицейский. Вы Фульвио и Илария Л.?

Да. Папин голос какой-то неживой.

Вам придется проехать с нами.

Садимся, он в свою машину, мы в свою.

По дороге я думаю, что они узнали, как мы

крали часы на вокзалах. Сколько было вокзалов? Когда машина остановилась, я уже насчитала пятнадцать.

В участке женщина-полицейский показывает мне на стул. Начинается допрос.

Что ты делала эти два года?

Где ты была?

У кого вы жили?

А куда поехали после Рима?

Почему ты не связалась с матерью?

Вот как? Ты не знала, что она тебя ищет?

Я ненавижу эту женщину.

Она говорит, что, пока не приедет мама, меня поместят в учреждение. Какое учреждение? Приют. Мы должны защитить тебя от твоего отца. Звонит телефон. Хорошо, ладно.

Ты побудешь у подруги твоей матери, пока она не приедет. Мы обо всем договорились.

Она приедет послезавтра.

* * *

Я у пианино в гостиной.

Входит мама.

Я встаю, иду к ней, потом бегу.

Очень быстро бьется сердце. Мы смотрим друг

на друга. Что-то изменилось. Как ты выросла. Это ее первые слова. Я узнаю ее голос. Когда она обнимает меня, узнаю ее запах. Потом входят папа, бабушка и Вито. И еще высокий дядя, адвокат. Папа и мама даже толком не поздоровались.

Вито протягивает мне Бирилло, улыбается.

Папа и мама смотрят друг на друга. Не отводя глаз. Мама скрестила руки на груди. Я уставилась в ковер и считаю узоры на нем. Три синих ромбика, два красных ромбика, три синих ромбика, два красных ромбика, три синих ромбика, два красных ромбика. Живот у меня раздулся и стал твердым, как барабан. Я вспоминаю глаза куклы, которую мы купили в Турине для Аны. Вспоминаю, как опускаются разом на обоих глазах ее длинные пластмассовые ресницы. Клак. Тут адвокат прочищает горло. Илария. Илария. Я и не думаю поднять голову. Он говорит, и его голос бьет электрическим разрядом, кажется, это длится часами. Я прижимаю к себе Бирилло. Адвокат кладет руку мне на плечо. Он о чем-то спрашивает меня. Повторяет вопрос, опускается на корточки, пальцем подталкивает мой подбородок вверх. Его глаза смотрят прямо в мои. С кем ты хочешь остаться? С мамой или с папой?

Я смотрю на носки папиных туфель, потом

перевожу взгляд на мамины.

Я прячусь, я в норке. В темноте меня не видно.

Дайте ей время подумать, говорит папа. Он подошел к бабушке. Никто в комнате не дышит. Воздух застыл бетоном. Папа отходит. Звенит стекло. Течет жидкость. В эту минуту я вижу, как к нему приближаются ботинки Вито. Он что-то шепчет. Мне не слышно. Папа ничего не отвечает и садится передо мной на корточки. Я чувствую, как он тяжело дышит.

Оставайся с мамой. Тебе будет лучше с ней.

Когда он обнимает меня, я чувствую запах перегара. Пота. Табака. Чувствую запах его страха. Его слез. У него влажные руки.

* * *

В самолете все какое-то темное. Я верчусь на сиденье и ложусь поперек. Клади голову сюда. Сюда — это маме на колени. Она гладит мои волосы и целует меня в лоб. Говорит, как она счастлива, что я снова с ней. Как долго она меня искала и как хорошо, что нашла.

Я меняю позу, прижимаюсь головой к иллюминатору. Болит позвоночник. Я уже не знаю, как

сесть. Что сейчас делает папа? А Вито? А бабушка? Изабелла? Нини?

Мама вздыхает, берет меня за руку.

Если захочешь вернуться к отцу, я отвезу тебя обратно, обещаю.

* * *

Паркинг в миланском аэропорту огромный. Темно, холодно. У мамы потерянный вид. Я не помню, где оставила машину. А какого она цвета? Серая, машина серая.

На ходу она объясняет, что прямого рейса из Женевы в Палермо не было и она добиралась сюда на машине. Но я не помню, как доехала, ничего не помню. Мама устала. Голос у нее неживой.

К Женеве мы подъезжаем на рассвете.

* * *

Я играю в подвешенную свинью. Звонит колокол. Упираясь ладонями в асфальт, я вижу приближающуюся пару туфель. Я не узнаю ее, но голос мне знаком. Это Ана.

* * *

Мама заказывает стейки, а на десерт меренги с кремом шантильи. Мне не хочется есть. Мы говорим по-итальянски, но мама и Ана забываются и переходят на французский. Я слушаю, понимаю плохо. Слова скользят, падают на стол, толкаются в меня, как в толстое стекло. Всё не так, как в моих воспоминаниях. Их лица новые и в то же время знакомые мне, все смешалось.

На Ане красная футболка. Волосы отросли. На пальце колечко с зеленым камушком. Она совсем большая. У мамы усталое лицо. Два последних года вырыли темные провалы под ее глазами.

Она тоже стала другой. Какой? Я не знаю.

Я прижимаю к себе Бирилло.

О случившемся мы не говорим. Меня ни о чем не спрашивают, я тоже не задаю вопросов. Слово «папа» лежит у нас под ногами. Осколком стекла. Не наступить бы. Послезавтра в школу. Не забыть ранец, туфли, надо еще купить мне куртку. Мама взяла отгул, и мы пойдем по магазинам.

Ана смеется, я отвлеклась, пропустила мимо ушей ее шутку. Мне теперь нужно привыкать

к ним. А папа станет комнатой внутри меня. Я буду держать там мои воспоминания. Или, может быть, он станет точкой. Или множеством точек, как на обоях у меня в комнате.

Кто-то в ресторане прибавляет громкость радио. Франко Баттиато. Cerco un centro di gravità permanente[39].

[39] Примечания: 39
«Ищу центр постоянного притяжения» (*um.*).

Выходные данные

Габриэлла Залапи

ИЛАРИЯ

Литературно-художественное издание

Издатель *Дарина Якунина*
Генеральный директор *Олег Филиппов*
Ответственный редактор *Юлия Надпорожская*
Литературный редактор Мария *Выбурская*
Художественный редактор *Ольга Явич*
Дизайнер *Елена Подушка*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Елены Падалки*

Подписано в печать 05.05.2026.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 146888.

ООО «Поляндрия Ноу Эйдж».
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422.
www.polyandria.ru, e-mail: noage@polyandria.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии SIA «PNB Print» «Янсили»,
Силакрогс, Ропажский район, Латвия, LV-2133.
www.pnbprint.eu